

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

КОРНИ
ОГНЯ

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Корни огня

«Владимир Свержин»

2013

Свержин В.

Корни огня / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
2013 — (Институт экспериментальной истории)

Команда стажеров Института Экспериментальной Истории во главе с инструктором, неподражаемым Сергеем Лисиченко по прозвищу Лис, с блеском выполнив задание, готовится вернуться в родной Институт. Конечно, Париж древних франков – еще совсем не тот, каким мы его представляем сегодня, но придворные интриги и политические игры там уже кипят в полную силу. События разворачиваются так стремительно, что прощание с новыми друзьями приходится отложить на неопределенное время, ведь не могут наши герои оставить соратников – без поддержки, а вопросы – без ответов. Придется поломать голову, – и, возможно, не только свою, – чтобы разобраться: отчего ожила каменная химера; как раскрыть тайну медальона и вывести на чистую воду вражеского диверсанта; можно ли причислить дракона к лику святых? На этот раз предстоит сражение с противником, который слывет неодолимым, да еще в неразберихе военного похода придворные заговорщики пытаются захватить власть!

Содержание

Краткое содержание романа «Семена огня», первой книги цикла «Полигон миров»	5
Корни огня	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Свержин

Корни огня

Краткое содержание романа «Семена огня», первой книги цикла «Полигон миров»

Международный Институт Экспериментальной Истории, выполняющий специальные исследования в сопредельных мирах, отправляет на «преподавательскую работу» одного из лучших оперативников – Сергея Лисиченко по прозвищу Лис. Ему предстоит «обкатать в полевых условиях» трех молодых специалистов: прелестную Женечку, ловкого Бастиана и могучего Карела. Эпоха для тренировочного выезда выбрана непростая – Темные века Европы. Но задание на первый взгляд не слишком замысловатое: отыскать и спасти от гибели вдову и сына кесаря Дагоберта, властителя франков, убитого заговорщиками.

Однако с первых шагов становится ясно, что легкой прогулки не предвидится: кроме людей, чья неотесанность может соперничать разве что с их коварством, героям предстоит встретиться с драконами, гарпией и чудовищным представителем иного мира – хаммари. Преодолев все препятствия, инструктор и его подопечные постепенно сплавиваются в единую команду, способную противостоять могущественным врагам. Им удастся спасти принца – наследника драконьего рода. Из их рук он получает венец кесаря франков...

Корни огня

Половина всей лжи, которую приходится слышать, – это неправда.

Янина Ипхорская

Пролог

Смерть – высший гарант равенства.

Максимилиан Робеспьер

Он вышел из каменной бездны. Пламя, точно верный пес, следовало за ним. Едкий дым служил ему плащом. Он ступал по костям жертвенных тварей, с хрустом ломая их. И те, что отдали жизни сто лет назад, и испустившие дух нынче утром крошились под его пятой, точно он был порождением скал, открывших его народу заветный путь. Их сила оживляла пламень мертвой крови, наполняла мощью уверовавших – всех, кто пришел в это утро к великому святилищу в Рифейских горах. Воины упали ниц – грозные носители клинков, сыны победы, не знающие пощады, не ведающие страха и спешащие на пир кровавой стали куда охотней, чем на брачное ложе. Он ступал, любуясь коленопреклоненным воинством, с наслаждением вдыхая аромат горелой плоти.

Гортанный клич, неудержимый вой животной радости звучал в его ушах. Народ был счастлив приветствовать своего отца и повелителя.

– Как вы простерлись нынче предо мной, – глухо начал он, кутаясь в густые клубы смрадного дыма. Этот струящийся покров несказанно красил его, ибо редкий смельчак отважился бы бестрепетно смотреть в обсидиановые черные зрачки двух его голов. Обе пасти оратора говорили в унисон, широко открываясь, являя миру ряды острейших клыков, – так и все народы преклонят колена пред вами! Вот мечи, которые я обещал вам! – Он простер длань, и бездна точно выплюнула тысячи острых стальных жал. – Пред ними щиты врага – не крепче овечьей шкуры, и любая броня – как холст. Берите их, сыны мои, и напоите кровью, ибо они жаждут, и жажда их ревностна и неутолима. В тот день, когда вы забудете о ней, эти зубы дракона, острейшие, крепчайшие во всех землях и во все времена, обернутся против вас. Несите же имя свое на острие клинка вслед за дневным светилом! И да не устоит перед вами ни воин, ни женщина, ни ребенок, ни слуга ложного бога, который и сам безропотно дал убить себя тем, в чьих руках были мечи! Ступайте и помните имя свое!

– Абар! – тысячами голосов взревела толпа. – Абар!!!

Глава 1

*Что бы ты ни делал, это привлечет на твою голову огонь
противника, тем более если ты не делаешь ничего.
Закон Мерфи для военного времени*

Кавалькада неспешно двигалась по лесной дороге, давая любопытному зверью и птицам редкую возможность поближе рассмотреть юного государя франкских земель и его свиту. Впереди, уже совсем близко, не более чем в полудне пути, оберегаемый от врагов быстрыми водами Сены, раскинулся Париж – новоявленная столица династии Меровеев. Старые – Турнэ и Суассон, утратившие в последние десятилетия свой высокий статус, но оставшиеся центрами провинций, остались позади. В тех местах колонна пополнилась отрядами местной знати, спешившей изъявить безусловную верность новому правителю, а заодно и отхватить себе достойное место у трона властительного юнца.

Дагоберт III принимал гостей и сторонников любезно, но лицо его оставалось отстраненно-холодным, будто происходящее никак не касалось его.

– Ну, кто же так делает? Шо за политукаректность?! Пока эту голову жареный петух не клюет, а потом поздно будет! – неподдельно сокрушался Лис. – Пока на волне – крутись, улыбайся, куй баронов, не отходя от замков!

И шоб все они при деле были, шоб ни вздохнуть, ни охнуть! Все на строительство развитого феодализма – светлого будущего средневекового человечества! Неровен час, успеют в гору глянуть, так сразу предадутся любимой забаве – бряцать оружием. Недавняя история знает немало фатальных примеров.

Было от чего сокрушаться. Раз за разом Сергей наблюдал, как выходят из зала приемов франкские вельможи. На их лицах, точно отпечатанные под копирку, читались недоумение и даже разочарование. Новый кесарь был вовсе не тем чудо-отроком, которого эти суровые предводители ожидали увидеть. По сути, он вовсе и не был ребенком в свои тринадцать лет, и это открытие немало озадачило тех, кто тешил себя надеждой под шумок прибрать власть к рукам.

Но и это было еще полбеда. В конце концов, мальчишка за последние дни немало пережил, а перенесенные испытания, как известно, воспитывают характер. И совсем не обязательно характер окажется покладистым и любезным.

Хуже было другое. Кесарь Дагоберт III смотрел на присягавших ему баронов без малейшего интереса. Казалось, вернейший из верных, майордом Пипин Геристальский, не представлял ему свободных владетелей, прибывших во главе немалых вооруженных отрядов, а доставал из сундука одну за другой надоевшие старые игрушки: раскрашенных паяцев на веревочках, ратников на лошадаках с колесиками. Вот только нынче юного повелителя эти игрушки ничуть не развлекали.

– Ох, доведет страну до бунта, – переживал Лис. – Тут же кроме законов физики другие не действуют. А из тех, что действуют, на первом месте закон глубинного земного притяжения. Чуть шо не так – в землю! Слазь с бочки, Сильвер, ты больше не капитан!

– Видите ли, господин инструктор, – пытался объяснить Бастиан, – должно быть, драконья сущность Дагоберта III предполагает несколько высокомерное отношение к подданным. К сожалению, трудно сказать, как обращался с баронами его покойный земной отец. Судя по успеху заговора, при дворе у него имелась сильная оппозиция. Да и вообще, практически невозможно прогнозировать действия нового властителя франков.

– Это еще почему? – насторожился Сергей.

– Дело в том, что драконьей он природы или нет, но в нашем мире король Дагоберт II умер бездетным. Его действительно убили на охоте. Но Дагоберт III – вовсе не сын Дагоберта II.

– погоди! Ты же говорил, мол, сынуля добрался с матерью до замка на юге Франции, и потомками его являются Плантагенеты. Или я что-то путаю?

– Там ситуация непростая, – пустился в объяснения Ла Валетт. – Мало что известно достоверно. Некоторые утверждают, что имел место обряд усыновления, другие – будто спасшийся Плантаген Ар был незаконнорожденным сыном Дагоберта. Третьи же говорят, что он и вовсе его дальний родственник. И сыном повелителя его назвали намного позже для придания веса в глазах аквитанцев. В любом случае, мы не знаем, чего можно ожидать от здешнего Дагоберта III.

– А вот это плохо, мой юный мозговитый друг. Месяц уже тусуемся рядом с ним, а внятных прогнозов не больше, чем у синоптиков. Эх, нет тут Камдила, он бы быстренько всем мозги вправил – это ж не голова, а свалка фактов! А так – придется ждать милости от природы в лице Института. Хотя, с другой стороны, наше дело оперативное: ежели шо – вскрытие покажет. Пусть себе разработчики голову ломают. А тут о наших головах и без их прогнозов найдется, кому позаботиться.

Кортеж двигался к Парижу. Точно живой дракон, играя разноцветьем одежд и блеском оружия, медленно подползал к столице – грозный, но справедливый, несущий жителям порядок и покой. Громкие звуки труб оглашали подступавшие к дороге леса и редкие перелески.

– Гонец! – послышалось впереди. – Папский гонец!

– Женечка! – позвал Лис. – Ты там с Гизеллой?

– Да. Вдовствующая государыня ни на шаг от себя не отпускает. Ее преследуют кошмары. В каждом встречном она видит убийцу. Параноидальное состояние. Кажется, случай не клинический. Скорее всего, неврастения. Запущенная. Но она действительно нуждается...

– Женя! Классика жанра: больной нуждается в уходе врача. И чем дальше уходит врач – тем лучше. Это как раз относится к тебе.

– В каком смысле?

– В диагностическом. Выпиши Гизелле больничный и займись делом. Как ты думаешь, какого рожна здесь нарисовался папский гонец?

– Не знаю. Быть может, привез от его святейшества поздравления новому государю?

– Ага. Святейший понтифик так огорчился, что не может лично чмокнуть в лобик новоиспеченное духовное чадо, что велел гонцу, не дожидаясь, пока величество пожалуется в ставку, мчать ему навстречу с горячим папиным приветом.

Рупь за сто, шо-то такое произошло, чему бы лучше не происходить.

– Но что такого могло случиться?

– Вот это, красный свет на моем пути, тебе и следует выяснить. Скорее всего, гонец пожелает говорить с Дагобертом с глазу на глаз. Но ты уж, будь умницей, напой Гизелле, что мало ли, мол, чего там, в Ватикане, задумали и кто, мол, знает, от кого этот диккурьер на самом деле явился. Пусть упрется и не отходит от сына. А ты, как придворная целительница и широко известная в узких кругах боевая единица...

– Сергей! Я попросила бы, – перебила Евгения.

– Тимуровна! Не привередничай, другим разом попросишь. Словом, будь рядом с Дагобертом, когда заструится источник информации. Уяснила?

– Да, – обиженно, но четко отозвалась девушка.

– Ну, тогда трибуны замерли в ожидании репортажа.

Гонец свалился на руки подоспевших воинов личной стражи юного кесаря.

– Кесарь, умоляю, – едва шевеля губами, выдохнул вестник. – Три дня без единой остановки...

Дагоберт III снисходительно кивнул и дал знак слугам разбить шатер для аудиенции на видневшейся впереди небольшой поляне.

– Вас накормят и дадут отдохнуть, – начал было повелитель франков.

– Прежде я должен переговорить с вами, – заплетающимся от усталости языком прошептал чуть живой гонец. – Кроме того, что сказано в послании его святейшества, – он вяло хлопнул себя ладонью по груди, где хранил драгоценный документ, – я должен сообщить на словах, – гонец закрыл глаза, обмяк на руках стражников, теряя сознание, но тут же вскинулся, – и без промедления мчат обратно.

– Ох, не нравится мне эта спешка. – Лис повернулся к Бастиану.

– Что-то не так?

– Валет, ты меня удивляешь! Разве в школе вундеркиндов не учат складывать два и два? Разуй глаза и смотри босиком. Если наследник святого Петра не устраивает свои традиционные два притопа, три прихлопа и обходится без торжественных песнопений и колокольного звона, если он не дожидается, пока новоиспеченный государь доедет до столицы, распакуется, умоется и воссядет на папашин трон, то у него основательно печет под мантией. А это, мой сверх меры одаренный друг, уж точно попадает под определение «что-то не так».

Между тем слуги государя споро разбили шатер, поставили кресла для кесаря и его матери. Благородная дама Ойген встала рядом. Обессиленного папского гонца, в нарушение всякого этикета, уложили на импровизированную лежанку.

– Государь, – начал он, еле шевеля губами, – беда! Грозный враг идет к нам из-за Балканских гор. Он уже занял Истрию и Далмацию. Вся Ахей, Македония и Монтенегро под его властью. Его разъезды то и дело нарушают итальянские рубежи. Это дикие варвары, не знающие ни Бога, ни закона. Они идут, убивая, грабя и сжигая все на своем пути. На знамени их начертан дракон.

Лис снова активизировал связь.

– Карел, где тебя носит? Почему, когда группе нужен бронированный кулак, мы имеем на его месте шии, даже без масла?

– Мы тут с Фрейднуром упражняемся, – пустился в объяснения кронпринц Нурсии. – Я ему показываю бросковую технику дзюдо.

– Ладно, будем считать, шо «до» ты уже преподавал, а «после» – как-нибудь в другой раз. Ты слышал, шо сейчас Евгения Тимуровна из приемного покоя транслировала?

– О кочевниках? Да, слышал. Я только не помню, это готы или лангобарды?

– О редкостная сакура, не согнувшаяся под грузом познания!¹ Это не готы, и даже не металлисты, и уж подавно не лангобарды, которых при известном желании можно считать рокерами. Это другая напасть, и пока мы ничего о ней толком не знаем. Цивилизация этого мира не подражалась идти по дороге, вымощенной желтыми страницами наших учебников истории.

А потому, дети мои, поскольку из стадии боевых хомячков вы уже переползли на очередную ступень эволюции, начинайте сражать старого Лиса искрометностью своей сверхчеловеческой сообразительности. Я хочу слышать, чем вас напрягают вести с холмов². Если, конечно, колесницы мыслей уже устремились по бездорожью ваших извилин.

– Дракон на знамени? – неуверенно предположил Карел.

¹ По легенде, Дзигари Кано, создатель дзюдо, пришел к осознанию главного принципа этой борьбы, наблюдая, как изгибается под грузом и стряхивает навалившийся снег ветвь сакуры.

² Древний Рим был расположен на семи холмах.

– Верно, мой храбрый Железный Дровосек. Соображаешь, если захочешь, – не скрывая удовлетворения, отметил Сергей. – Это можно считать нелепым совпадением, но, может быть, и нет.

– Разрешите вопрос, господин инструктор, – вклинился в разговор Ла Валетт, – разве после въезда Дагоберта в Париж мы не возвращаемся на Базу?

– Положа руку на колчан, я бы не стал безмятежно на это надеяться. Как подсказывает мой опыт, в случае подобных исторических казусов господа разработчики возбуждаются и, шо та бабуля, опасаясь оставлять деток наедине с мармеладным тортом, требуют у руководства засунуть оперативников поглубже в очередное пекло.

– Но мы же только стажеры! – напомнила личный психолог-консультант.

– А-а! Ну да. Я все время забываю, шо у вас сейчас по расписанию дневной сон, затем коллоквиум по пользованию горшочком и полдник с рыбьим жиром.

– Господин инструктор! – от лица всей группы обиженно взмолился могучий герцог.

– Ладно-ладно, не плачьте. Молока с пенкой не будет. Так шо подтяните штанишки и приготовьтесь утереть нос – сначала себе, потом врагу. Театр военных действий уже замер и готов рукоплескать. Увы, наличие кресел в зрительном зале не гарантируется.

– Господин инструктор, – снова вмешался в разговор сладкоголосый менестрель. – Я тут запросил Базу по поводу нашего нашествия...

– Ну-ка, ну-ка! Что же поведали лучшие головы Института своим обутым стопам и оружным дланям? Ну, в смысле, нам с вами.

– Дело в том, – пустился в пространные объяснения Бастиан, – что примерно в это время Балканские страны и впрямь страдали от нашего нашествия союза кочевых племен, именовавшихся аvaraми.

– Ну да. Шо-то такое слышал. С тех пор столкновение автомобиля с перебегающим дорогу столбом именуется аварией.

– Не смею вас перебивать, господин инструктор, но хотелось бы вернуться к делу.

– Ладно, коптильник разума, – недовольно отозвался Сергей, – возвращайся.

– Так вот. Я уточнил, можно ли считать вышеупомянутое нашествие аварским.

– И каков был ответ?

– К сожалению, неоднозначный. По времени очень похоже, многое совпадает. Однако любимой эмблемой аварского каганата был грифон. Ну, знаете, это такое мифическое животное. Нижняя часть львиная, верхняя – орлиная.

– Можно без подробностей. Я столько лет проработал рядом с Камдилом, волей-неволей проникся кое-какой геральдической премудростью. Хочешь сказать, что дракон и грифон – разные фигуры?

– Так и есть, господин инструктор, – подтвердил Бастиан.

– Хорошо, тогда с ходу две версии. Первая: в нашем мире у местных носителей аварийной цивилизации другая эмблема. И вторая: все эти далматинские иллирики вкупе с ахейскими монтегроидами с переляку не смогли отличить лося от пороса.

– Может быть, и так, – неуверенно подтвердил Ла Валетт. – Но мне почему-то вспомнилось...

– Ну, раз уж вспомнилось, – призвал инструктор, – делись.

– Понимаете, изначально авары носили совершенно иное название. Они были изгнанниками из своих земель и располагали сравнительно небольшой армией – всего около двадцати тысяч всадников.

– Ну, пара кавалерийских дивизий – тоже немало, – отозвался Сергей.

– Силы врагов были куда больше, – ответил Бастиан. – И тогда изгнанники пустились на хитрость: они назвались именем несравненно более могущественного народа, уже много десятилетий наводившего ужас в землях между Амуром и Днестром.

– Ого, ребята не мелочные!

– Обман удался. Никто не пожелал связываться с самозванцами. Более того, множество племен добровольно примкнули к ним в походе. Теперь весь этот союз именуется абары.

– Спасибо за лекцию, – хмыкнул Лис. – Вот только не врубился, куда я должен предъявить эту историческую справку?

– Господин инструктор, все дело в том, что о народе, который сеял панику меж воинственных племен знакомой вам Гипербореи по обе стороны Рифейских гор, практически ничего не известно, кроме того, что они называли себя абарами и поклонялись дракону.

* * *

В пятьдесят третьем году до нашей эры великий Цезарь по варварскому бездорожью вел победоносные легионы туда, где ныне расположен город Санс. Желая дать отдых армии, целый день доблестно продиравшейся размытыми тропами по болотистым чащобам и буеракам, он ткнул на открывшийся его взору островок посреди реки и недовольно буркнул: «Ночевать будем здесь».

Мнение островного местного населения, как это было в обычае у римских когорт, в расчет не принималось. Да и было бы о чем говорить – округа настолько пропахла болотными миазмами, что получила звонкое латинское наименование Лютеция – то есть Вонючая. Чтобы впредь отличать эту стоянку от других, не менее благоуханных мест, властный потомок Венеры³ повелел именовать ее Лютецией Паризиев. Именно так называлось возмущенное приходом чужаков галльское племя, обитавшее по окрестным неудобьям.

Стоило Цезарю уйти, галлы восстали – возможно, недовольные платой за постой – и тут же были наголову разбиты римским легатом по имени Лабиен как раз в том самом месте, где много веков спустя расположились Марсово Поле и знаменитая военная школа.

Сейчас еще одно достопримечательное место – долина Гренель, еще не ставшая частью Парижа, являла взору огромный военный лагерь. Из всех франкских земель в ожидании приезда нового кесаря сюда примчались сотни владельцев крупных поместий, и с каждым часом количество их неуклонно возрастало.

Лишь присяга личной верности скрепляла боевой союз между обладателем священного венца и потомками гордых племенных вождей, некогда воевавших против цезарей. Сегодня они были готовы признать юного кесаря своим предводителем.

Лагерь шумел, галдел и напоминал огромный базар, коим отчасти и являлся. Ежечасно здесь вспыхивали ссоры. Быстрые на расправу бароны хватались за мечи, угрожая друг другу членовредительством. Впрочем, чаще всего до кровопролития дело не доходило, а ограничивалось распитием молодого вина из чаш размером с боевой шлем.

Лишь в одной части лагеря горластые вояки старались шуметь поменьше. Здесь дожидалось аудиенции посольство римского папы Стефана II.

Святые отцы были крайне недовольны и близостью полупьяной вооруженной толпы, и полевыми условиями, в которых им пришлось ютиться. Но делать было нечего. В эти часы столица готовилась принять молодого кесаря, и никому не было позволено войти в нее прежде ниспосланного небесами повелителя!

Сам же Дагоберт III неспешно ехал в сторону пребывающих в нетерпении города и народа, расспрашивая везомого на конных носилках гонца его святейшества.

– Это ужасные люди, – рассказывал вестник. – Они мчатся на своих лохматых конях, как ураган. В бою они не берут пленных, не соглашаются на выкуп и мечтают лишь об одном – убивать, убивать, убивать.

³ Согласно римской генеалогии род Юлиев считался ведущим свое происхождение от Венеры.

Они уводят к своему главному жертвеннику тысячи захваченных мужчин, чтобы скормить их демону тартарской бездны, дающему им силу. Они сжигают своих воинов, павших с оружием в руках, на погребальных кострах, говоря, что те возродятся драконами и когда-то явятся на свет, чтобы окончательно истребить людское племя. Чем больше людей убьет воин в своей земной жизни, тем выше поднимется в следующей. Тех же, кто умирает от старости или болезни, попросту выкидывают на корм воронью.

– Откуда тебе известно все это? – коротко поинтересовался Дагоберт.

– Тысячи людей бегут в итальянские земли из стран, захваченных абарами. Они настолько свирепы, что зарывают в землю новорожденных девочек своего народа. Они захватывают женщин в набегах и держат их, как овец в загонах. У них нет семей. Они признают лишь великого отца, приходящего к ним в пламени, и воздают хвалу ему, обагрив мечи кровью побежденных.

– Чего же ждет от меня его святейшество?

– Помощи, как он вправе ожидать от христианнейшего властителя. – Гонец замялся, чего-то недоговаривая. – В Риме шепчутся по-всякому... Не все желают вам добра... Его святейшество направил высокое посольство, оно ждет вас у стен Парижа, – ушел от прямого ответа посланец.

– Мальчик мой. – Гизелла, неотлучно сопровождающая сына, схватила его за руку. – Мальчик мой, остановись! Не ездь туда – они хотят убить тебя!

Глава 2

Будет, что будет, даже если будет наоборот.

Никогда не было, чтобы никак не было.

Первое правило творца миров

Прекрасная дама, именуемая в балладах аквитанской лилией, была безутешна.

– Я знаю! – не сдерживая более себя, кричала она, заламывая руки. – Коварные злодеи кругом! Предатели, они желают смерти моему сыну! Их лазутчики везде! Они только ждут часа!

– Классическая неврастения, – прокомментировала Женечка. – Подозрительность, быстрая смена настроения, плаксивость, возможны также истероидные состояния и обмороки. Сергей, ты не знаешь, что здесь можно использовать вместо нашатырного спирта?

– Нателную рубаху Фрейднура, – хмыкнул Лис. – Отколупать и использовать, вплоть до превращения в труху. Евгения Тимуровна, мое призвание – доводить до истерики, а не выводить из нее! Кстати, твое назначение вовсе не извлекать корни заболевания, а готовить из них очищенный информационный самогон для наших высоколобых умников. С этой точки, буквально, двоеточия зрения, мадам не так уж не права: новоявленному кесарю Рим обрадовался, как наездник чирью на заднице.

– Но он же не сделал ничего плохого! – возмутилась благородная дама Ойген.

– Женя, вспомни немедленно, что ты не только отрада глаз и потенциальная услада рук. Напруги то, что в качестве противовеса нижним полушариям Господь вложил в верхние!

Что еще плохого мог бы сделать Дагоберт, кроме того, что он уже состоит в прямом родстве с драконами? Может, в другое время папам и пофиг династические традиции и любовные обряды франкских монархов, а тут на дальних огородах бывшей Римской империи объявилась хрен знает какая драконовидная саранча, готовая схрять всех на своем пути. Тебя это не наводит на грустные мысли о планах его святейшества?

– Но ведь с его благословения Дагоберта совсем недавно помазали на царство.

– Помазали – отстирают. Другого помажут. Или ты думаешь, в тамошней лавочке смазка закончилась? Поверь мне, если римские святоши всерьез играли за Пипина, они просто так с поля не уйдут, пока не забудут, если не в ворота, то вратаря. А потому у меня неслабое подозрение, шо Гизелла хай поднимает не зря...

Отсюда мораль, – Лис сделал эффектную паузу и обратился ко всей группе: – Дети мои, нам предстоит встать на ударную вахту и не сходить

с нее, покуда трубный глас Базы не призовет нас

к родным пенатам! До того же – водить хороводы вокруг молодого государя, как вокруг майского шеста. И хотя Дагобертыч – тот еще подарок, нам предстоит числить его нашей прелестью вплоть до особого распоряжения и больно не соглашаться со всяким, кто протянет к нему свои загребущие клешни.

Женечка, продолжаешь окучивать Фрейднура и обеих теток. Валет, держишь под наблюдением обаяшку Пипина. Он в последнее время такая сама любезность, шо я после каждого разговора на всякий случай пересчитываю зубы во рту.

– А я? – возмутился Карел.

– Ну, если умеешь считать до тридцати двух, можешь тоже пересчитывать.

– Я не о том. Мне что делать?

– Слушай, а докажи-ка на досуге теорему Ферма. То-то он удивится, когда появится на свет!

– Господин инструктор, ну опять вы!

– Карел, – устало начал Лис. – Скажи, пожалуйста, чем ты занимался в родной Богемии? Ну, кроме поглощения и переваривания встречных калорий.

– Я служил в полку президентской гвардии, – приосанился герцог. – Охранял самого главу нашего государства.

– Вот мы и подходим к решению нашей головоломки, даже почти не повредив при этом подставки для будущей короны. Бесконечно дорогой моему терпению двоечник, если у тебя нет тайной ненависти к августейшим персонам, займись именно тем, чему тебя старательно учили: приклейся

к Дагоберту, как жевательная резинка к подошве. Можешь учить его секретам нурсийской борьбы

в лыжах на батуте, можешь брать у него уроки гипноза для укрощения альфа-волков, но по-любому стань его тенью, да такой, чтобы от этой тени всякий злыдень шарахался. Усек?

Париж радостно встречал государя. Каждый в его стенах понимал: начало их благосостоянию пошло с того дня, как франкские кесари избрали столицей их окруженный речной стремниной городок. Ремесленники, купцы, монахи, воины и заезжие жонглеры – все стремились быть поближе ко двору и повелителю. Город разрастался и уже не помещался на острове. Предмestья его раскинулись по обе стороны полноводной Сены, заставляя всерьез задуматься о наведении мостов.

Пока же с берегами старую Лютецию Паризиев связывали наплавные переправы, вздрогнувшие под копытами коней и колесами возов, совсем как живые существа, когда на спины им вступил кортеж. Ворота крепости были распахнуты, и потомки давних негостеприимных галлов щедро устилали цветами дорогу молодого государя.

Тринадцатилетний отрок с длинными черными волосами, забранными под блистающий золотой венец, поднялся в седле, скуп и без особых эмоций приветствуя свой народ. Впрочем, радостные горожане легко списали его мрачность на пережитое горе и понятную растерянность – все-таки не каждый день мальчишке доводится принимать ликование тысяч восторженных подданных.

За монархом двигалась свита, за ней – высокие посольства, спешно прибывшие в Париж, чтобы поздравить юного кесаря. Первыми в кортеже выступали посланцы святейшего Папы Стефана II.

Толпа одобрительным шушуканьем встречала кардинала Гвидо Бассотури – легата его святейшества. Моложавый статный римлянин с лицом патриция времен расцвета империи для столь торжественного случая сменил коня на открытый паланкин и уже этим вызвал восторг парижанок и смятение мужской половины населения. Раззолоченные, украшенные драгоценными шелковыми полотнищами носилки, влекомые двенадцатью мускулистыми невольниками-маврами, были в новинку для Парижа и служили предметом зависти всей местной знати. Казалось, лишь Дагоберт да его нурсийские спутники не проявили ни малейшего интереса к невиданной штуковине.

– По-моему, он злится. – Бастиан устремил взгляд к облаченному в алые одеяния святоше. – Я имею в виду кардинала.

– По-моему, он и злится оттого, что его имеют в виду, – вглядываясь в лица встречающих, насмешливо бросил Сергей. – Сперва в город не пустили, а теперь Дагоберт вместо того, чтобы бегать вокруг его папамобиля, кричать «ух-ты!» и спрашивать, как оно библикает, лишь кивнул, будто очнулся ото сна. Ни тебе целования перстов, ни припадания к туфле – какая бесцеремонность!

Но меня вот что беспокоит. Сам кардинал вряд ли захочет марать руки, а в его свите вполне могут обнаружиться энтузиасты-мокрушники. Ты у нас менестрель, тебе закон не

писан. Возьми-ка эту свору, то есть свиту, под контроль. Что за рожи, куда смотрят... Ну, ты понял.

– Честно говоря, не очень.

– Печально. Ладно, упростим задачу: когда начнется аудиенция, а свита, как ей и положено, завалит в ближайший кабац, – твое дело окопаться там раньше них. Бренчи на своей балалайке, напевай военные песни, между делом заливай напрапалу, мол, кесарь без твоей колыбельной засыпать отказывается... В общем, ездй по ушам и смотри, шо из этого вый-дет.

– Но зачем?

– Валет, иногда ты меня удивляешь. Это что, воздух Парижа расслабляет мозги или общение

с богемским львом привело в расстройство твой неокрепший разум? Затем, чтобы послушать, кто и что у тебя будет спрашивать. А заодно и наладить связи при кардинальском дворе. При этом не хотелось бы, щоб тебя воспринимали как засланца Дагоберта, а так, мало ли, праздношатающийся свободный менестрель – нынче здесь, завтра там. Да, вот еще: перед употреблением мозгов по прямому назначению хорошенько прополощи рот вином, пусть со стороны кажется, шо ты на радостях набрался, как стекольщик. Надеюсь, от столь нетривиального употребления спиртного ты не захмелеешь.

– Я же француз! – возмутился Ла Валетт.

– Это и напрягает. Был бы из наших – не спрашивал бы.

– Мы, французы, умеем пить вино.

– Та шо ты говоришь! – горестно вздохнул инструктор, осаживая коня и остолбенело глядя на старинный собор. – А скажи, тот француз, шо соорудил одоробло страхолудное у входа в храм, – тоже пить умел? Как по-моему, вместо того, чтобы пить доброе вино, он курил шо-то непотребное.

Стажер проследил за взглядом Сергея. В римском портике, увенчанном крестом, под аркой врат тяжеловесного романского храма, по-видимому пристроенного к портику веками двумя позже, виднелась скульптура, которая и привлекла внимание Лиса.

– Шедевр темновекового абсурдизма, – тоном заправского экскурсовода продолжил Лис. – Святой Георгий затыкивает стрелой трехголового скакового крокодила, предвари-тельно дав ему по носу и наставив рога.

– Господин инструктор, – Бастиан спрятал предательский смешок в кулак, – это Белле-рофонт, побеждающий химеру. Поскольку Церковь сейчас считает химер воплощением греха, этот античный герой превратился в аллегорю добродетели. Если не ошибаюсь, это храм Страстей Господних.

– И впрямь, страсти Господни, – хмыкнул Лис.

– До нашего времени эта церковь не сохранилась.

– Ну, до этого, как видим, сохранилась. А вот переживет ли – не факт. Ладно, к делу не относится. Не забудь присмотреться в кабаке, кто из святош умеет обращаться с оружием и при случае готов пустить его в ход.

– Но как?

– По манере двигаться, и, главное, смотреть на оппонента, как на возможную жертву. То есть, улыбаясь и высматривая, куда удобнее и быстрее воткнуть кинжал.

– Быть может, вероятный убийца – вовсе не монах, а кто-то из свиты.

– Может, и так. Однако на монахов подозрение обычно не падает, потому именно к ним стоит внимательно приглядеться. Впрочем, ты прав, никого нельзя сбрасывать со счетов. О, а вот это, я так полагаю, дворец.

* * *

Какому патрицию довелось править этой землей от имени и по поручению Сената и римского народа в эпоху расцвета империи – не ведомо, но он вовсе не намерен был жить в одной из тех хибар, что служили кровом местному населению. В истинно патрицианских традициях он построил виллу на острове Ситэ, окруженную садом и обнесенную довольно высокой каменной стеной. Можно предположить, что древние паризии часами толклись у забора, пытаясь разглядеть это чудо архитектуры, а заезжих гостей водили похвастаться хоромами.

В самом Риме жилище этого сановника числилось бы вполне заурядным, но здесь, стало лишь первым Меровингам обратить внимание на этот город, старая вилла обрела статус резиденции правителя. Теперь вокруг нее, точно цыплята около курицы, жались строения поменьше и попроще, но сохранившие заметные черты первоначального образца. Именно в них обитала местная знать и высокие гости.

Лиса, прилежшего отдохнуть с дороги, вскоре разбудил шум и бряцание оружия, доносившиеся со двора.

– Шо-то я не понял, – натягивая кевларовую рубаху, пробормотал он. – Нас штурмуют, не дождавшись торжественного ужина? Шо это за падение нравов на мою голову?

Он застегнул перевязи двух своих коротких мечей, надел колчан и взял стоявший у мозаичной стены добротный тисовый лук. Другого такого было не найти во всех франкских землях. То ли дело в Нурсии...

Цветные стекла, вставленные в свинцовый переплет окна, придавали картине некоторую фантазмагоричность. Бог весть, что нужно во дворе этим сине-зеленым людям. Ясно одно: их много и они вооружены.

– *Так, дети мои, откройте-ка сомкнуты негой взоры*, – он активизировал связь, – *тут во дворе резиденции какой-то несанкционированный сходняк. Доложитесь, кто где есть, и будьте готовы действовать.*

– *Я у Брунгильды*, – сообщила Женечка. – *Ее мучают ужасные сны, она, лишь задремлет, видит какие-то странные земли, камень, выжженный песок, огромные кусты сухих колючек и вокруг ужасные существа, одно другого страшнее: клыкастые, рогатые, с множественством рук и ног, с огромными когтями, шипастыми хвостами...*

– *Стоп, стоп, стоп! Шо за фильм ужасов ей показывают? Пусть переключит мозги на другой канал. Ты проверяла, она мухоморы на ночь не хряцает?*

– *Что ты такое говоришь, Сергей?!*

– *Ладно, научный диспут оставим на потом. Сейчас лучшие найди, где тут запасной выход. Не геройствуй, спрячься, ты нам нужна живой и свободной. Потому как доставать прекрасных дам из темницы – это любимое занятие Камдила, а он, по слухам, отсиживается в Валгалле, так шо будешь сидеть, пока он не вернется.*

– *Сергей, ты сам-то в это веришь?!*

– *Может, и нет, однако лучше бы тебе не проверять. Ладно, не отвлекай меня твоими глупостями, я со своими еще не разобрался. Так, испытатели моего долготерпения, шо у вас там?*

– *Мы с Дагобертом играем в шахматы*, – похвастался Карел.

– *Оказывается, ты у нас тайный гроссмейстер? Не знал, шо ты умеешь двигать фигуры.*

– *Теперь умею.*

– *Замечательно. Ты уже выяснил, как ходит слон?*

– *Да. Так: вбок и прямо.*

– Удовлетворительные познания, для нашего дела вполне хватит, – оценил Лис, через приоткрытую дверь выглядывая в коридор и осматриваясь, нет ли засады. – Если вдруг здесь начнется рубиловка, хватай партнера под мышку и делай ход слоном, то есть собой, именно так, как ты, по мудрости своей, меня просветил: вбок прямо, снося все на своем пути.

– А что, может дойти до такого?

Лис проверил, хорошо ли подогнано снаряжение.

– Да кто его знает. Не люблю просыпаться от шума вооруженной толпы под окнами. Бастиан, у тебя что?

– Я на вилле папского легата. Похоже, здесь ожидают какого-то гостя.

– Хорошо, сиди там. Я пока пойду, разберусь, шо тут за праздник свободы образовался.

Лис осторожно ступал по мозаичному полу, на котором играющие среди волн дельфины сопровождали кораблик, идущий куда-то на раздутых парусах.

– Ну шо, приплыли – не приплыли? – прошептал себе под нос Лис, на всякий случай вытянул стрелу и поместил ее на тетиву. Из-за угла слышались возбужденные голоса, среди которых Сергей узнал прованский говор Гизеллы. Он пригнулся и быстро выглянул, охватывая взглядом картину целиком. Среди колонн портика на высоком крыльце в торжественном облачении стояла мать юного кесаря и что-то горячо возглашала, сопровождая каждую фразу энергичной жестикуляцией.

Лис прислушался.

– ...Хранившие верность моему дорогому супругу, обнажите теперь мечи, чтобы защитить его сына! Нерушимой стеной встанете вы, храня его!

Лис вернул стрелу на место.

– Понятненько. Сбор добровольной народной дружины. Отбой учебной тревоги! По команде «расслабиться» больше не напрягаемся. А я, пока суд да дело, схожу, потолкую с мадам, шо это ее на ораторство пробило?

Он вышел на крыльцо. Добрых полторы сотни воинов с горящими глазами внимали Гизелле. Возможно, никогда прежде им не доводилось видеть молчаливого, не по годам угрюмого кесаря. Но что с того? Все они родились воинами и жили схваткой. Всем им сейчас вдова любимого государя давала новую цель в жизни. А что может быть важнее для настоящего барона, чем знать, ради чего проливает чужую кровь, а уж тем паче свою.

– Вот человек, – Гизелла бросилась к Сергею, едва тот ступил в тень колоннады, – он пришел издалека в наши земли, но сам Господь, защищающий вдов и сирот, хранящий справедливость и право, в благой час милостиво послал его и его друзей, чтобы помочь, чтобы спасти моего сына и вашего государя. Когда наступит день, назначенный для боя, он поведет вас под знаменем Дагоберта!

Гизелла простерла руку над толпой. Бароны на мгновение опешили от столь неожиданного заявления, но, поскольку были достаточно заведены речью государыни, вновь дружно проорали одобрительное «Аой!» и зазвенели оружием.

– Но, мадам... – начал было Лис, несколько ошарашенный высокой честью.

– Женя! Тут королева впала в административный раж. Она меня только что назначила командовать местным ополчением. Скажи мне как доктор: если я на пальцах ей объясню, шо у меня в родной Нурсии уже неделю как на плите кофе выкипает и потому срочно нужно свалить в туман, она не сильно обидится?

– Не стоит этого делать. У моей клиентки аффективное состояние. Если ты ей такое скажешь, она решит, что здесь созрела измена. Боюсь, сейчас она не способна мыслить здраво. Так что ты и окажешься главным изменником. Сам понимаешь, имея противниками полторы сотни воинственных баронов – не самая лучшая затея.

– Разумно, барышня, хотя и безрадостно.

– Но, мадам... я все же надеюсь, что нам не придется искать врага среди верноподданных.

– *Господин инструктор, – прорезался на канале закрытой связи Ла Валетт. – Высокий гость, наконец, пожаловал к кардиналу.*

– *Зашибись! Информация бесценная. Измерь там высоту гостя с помощью циркуля и линейки. На то он и кардинал, чтобы к нему ходили серьезные люди, а не всякая шелупонь с улицы.*

– *Господин инструктор, это Пипин Геристальский. Я понимаю, сам по себе такой визит тоже вполне объясним. Но папский легат немедленно велел удалить всех и заперся с ним в кабинете.*

– *Что ж, надеюсь, они там занимаются чем-нибудь пристойным. Но хорошо бы уточнить, чем.*

* * *

Ночь опустилась на Париж, как черный мешок на голову приговоренного. На этот раз мешок был ветхий, сквозь него проглядывали светлые дырочки далеких звезд, и даже увязший коготок месяца виднелся через прореху.

– *Так, мальчики. – Лис активизировал связь. – Даю вам короткие военные советы. Шот мне ни фига, ни разу не нравится образовавшаяся ситуевина. У нас полон двор храпящих баронов и сопровождающих их товарищей. Ясен пень, это исключительно в целях безопасности. Но такая безопасность похлеще блох в тюфяке. Хрен заснешь! Может, конечно, Гизелла всю эту гоп-компанию знает лично и прошла с ними Крым и Рым, но, как по мне, рожи такие, шо врагов безо всякого оружия можно обратить в бегство. Как бы чего не учудили. Тем более, брагу дружно глушат с самого утра. Примчится к ним белочка из ближайшего леса, и пойдут они крушить условного противника, вплоть до безусловного истребления...*

Я пытался их за забор выгнать, но Гизелла не дала. Сказала, что ей так спокойнее. Отсюда вывод – пайка сна урезается, кемарить будем по очереди. Сейчас начинаю дежурить я, меня сменит Карел. Бастиан, ты заступаешь на пост перед рассветом. Малейшая нештатная ситуация – играй «зорию». Пока отдыхайте, а я схожу с народом пообщаюсь.

Вопреки опасениям Лиса ночь прошла спокойно. Его дежурство благополучно сменилось новым, даруя несколько часов настороженного сна. И вот, когда перед рассветом Сергей был готов окончательно расслабиться и на всю глубину уйти в сновидения, в голове его раздался встревоженный голос Бастиана:

– *Господин инструктор, тревога! Кто-то крадется по коридору!*

Глава 3

*Единственный шаг определяет судьбу, но лишь пройдя весь путь,
мы узнаем, какой.*

Васко Нуньес де Бальбоа

Образы, точно карты пасьянса, мгновенно сложились в голове Лиса. Днем легат конспиративно принимает верного Пипина, вечером – незаконное проникновение на охраняемый объект. Если сегодня бог весть откуда взявшийся злоумышленник ни с того ни с сего прирежет мальчишку-кесаря, завтра же Рим утрет слезу и признает справедливость притязаний майор-дома как хранителя престола и святой веры.

– Парни, работаем! Валет, ножи при тебе?

– Всегда, – отозвался Бастиан.

– Направляешься к покоям Дагоберта. Если стража у дверей спит, – пинай без стеснения! Будут чем-то недовольны – ссылайся на меня. В случае острой необходимости кидай свои заточенные железяки. Но запомни, клиент мне нужен живым и по возможности здоровым. Хотя бы настолько, чтобы мог говорить.

– А может, это и не враг совсем, – пробормотал недавно смеживший очи Карел. – Может, кто в сортир пошел?

– А крадется потому, шо жутко смущается? Проснись, юноша, здесь Темные века, и сортир буквально везде! Перекрой выход в сад. Заодно проверь, что с охраной там. Я к основному входу. Потом сходимся. Начали! И будьте аккуратны: затравленная крыса бросается на кота.

Резиденция правителя, расположенная на возвышении, находилась в центре обнесенного стеной владения. Одна ее часть, на которую выходило парадное крыльцо, была забита спящим воинством. Вторая же, с уютными комнатами женской половины – гинекея, имела выход в сад к некогда заполненной водой купальне.

Теперь это здание было перестроено, и около двери его, как Сергей заметил еще днем, переминалась с ноги на ногу пара часовых.

Лис закинул на спину колчан и беззвучно шмыгнул за дверь. Стараясь не шуметь, он быстро пробежался к главному входу. Совсем недалеко от того места, где нынче произносила пламенную речь Гизелла, опершись о стену, свесив на грудь увенчанную шлемом голову, сидел часовой.

«Дрыхнет, скотина!» – возмутился Сергей, подскочил к охраннику и ткнул его в плечо.

– Подъем, лось pedalный!

Тело с глухим стуком завалилось набок. Чтобы поднять его, понадобилась бы труба архангела Гавриила.

– Парни! Красный уровень опасности! У нас имеется труп.

– Я у покоев. Здесь все в порядке, стража бодрствует, – отрапортовал Бастиан.

– Карел?

– У меня все тихо, двигаюсь по гинекею. Коридор пуст.

– Стоп! Шо за ерундовина: в коридоре его нет,

у дверей покоев тоже мир и благорастворение воздушных?

– Может, это чей-нибудь любовник? Гизеллы, например, или какой-нибудь из служа-нок, – предположил богемец.

– Ни хрена ж себе у него нетерпячка, если он для такого случая часового грохнул! – прокомментировал Лис. – Кстатти, грохнул технично, без крови.

– А может, кто-то хотел убить Гизеллу?

– Карел, шо ты мелешь, с какого бы перепугу?!

В Париже еще не смотрели кино о маньяках, поэтому здесь этой заразы нет.

– Может, это месть?

– Ладно, оставим диспут. Женечка, ау, проснись! Иначе я приду злостно целовать тебя, не дав подрыхнуть среди хрустала положенных сто лет.

– А?! Что?! Сергей, это ты?

– Сергей – это я. Но сейчас не об этом. У вас там все тихо?

– Уже нет! – досадуя на прерванный сон, отозвалась Евгения. – Что стряслось?

– Полная ерунда. Какой-то человек-невидимка образовался. Убил часового на входе, прокрался по коридору и нагло растворился без осадка. Оцени-ка там обстановку.

На некоторое время на канале связи воцарилось молчание.

– Тимуровна, говори что-нибудь! А то ведь неровен час... – встревоженно потребовал Лис.

– Все живы, все тихо. Постой. – Дверь из гинекея в сад приоткрыта! Я точно помню, что вечером сама закрыла ее на засов.

– Странная идея – устраивать ночной моцион, оставляя за собой трупы по коридорам. Ну-ка, опора Нурсиш, ты там ближе всех, сходи-ка, глянь. Только осторожно! Бастиан, оставайся на месте, за Дагоберта отвечаешь головой. Жень, ты тоже на всякий случай постереги там. Шо-то мне этот ночной визитер не нравится.

– Господин инструктор! – внезапно прорезался на канале закрытой связи Карел зе Страже. – Я обнаружил еще два трупа у старой купальни. Там дверь нараспашку.

– Контролируй выход, сам пока не суйся.

– Да я смогу!

– В дверь войти? Не сомневаюсь. Стой и жди! Щас я буду.

– Господин инструктор, я его вижу, он убегает! Я за ним!

– Ты-то от кого убегаешь? – возмутился Лис и прибавил шагу, переключая на ходу речевую связь на видеонаблюдение. Мужчина средних лет, крепко сложенный и, видно, не новичок в беге, мчался, петляя между деревьями, к ограде сада. Пожалуй, он был на голову ниже Карела, но куда легче в движениях.

– Стой! – потрясая мечом, заорал нурсийский герцог и припустил следом. Но, как обычно бывает в таких случаях, ударивший в спину крик лишь раззадорил беглеца. Тот бросился к ограде, под которой еще с римских времен лепились одно к одному убогие жилища состоявших при вилле домовых рабов. Прыжок! Он словно взлетел на крышу ветхой хижины.

– А ну, стой! – вновь рявкнул Карел, уклоняясь от хлеставших по лицу веток. – Тревога! Держи вора!

– Чего ты шумишь? – догоняя его, шикнул Лис.

– Уходит же!

– Ушел, блин. Сам, что ли, не видишь? – Сергей взобрался на крышу, едва не провалившуюся под его ногами. – Карел, стой! Не лезь, завалишь тут все к хреням собачьим. Так, – он поднял лук и вытащил из колчана стрелу. – Объект вижу. Хорошо бежит. Легко, пружинисто. Остановился, что-то высматривает, – вглядываясь в предрассветные сумерки, бормотал Лис, выцеливая жертву. – Тут-то мы тебя, голубь мой неоперившийся, и оперим.

Словно услышав эти слова, грабитель оглянулся и тут же бросился наутек, сворачивая за угол виллы.

– Карел! Гони назад. Он щас окажется на той стороне дома.

– Может, поднять баронов?

– Пока они глаза продерут, солнце будет в зените. Кто не спит – бери с собой. В объяснения не пускайся. Кричи, что это приказ. Уяснил?

– Так точно!

– Шуруй быстрее, сержант!

Лис перемахнул через ограду, мягко спружинил и бросился вслед за ночным гостем. Тот бежал, шарахаясь из стороны в сторону, точно затылком чувствуя преследователя. Еще немного – и он вылетел на центральную улицу, почти у самых ворот резиденции, опережая бегущего наперерез Карела.

– *Черепахи контуженные! Он уже проскочил мимо вас,* – невольно крикнул Лис. – *Давайте за мной!*

Он замедлил шаг, вновь наложил стрелу на тетиву и процедил тоном, не предвещающим жертве ничего хорошего:

– Дыши ровнее, финиш близок!

Оптимальной мишенью сейчас были ноги, но они быстро двигались, куда быстрее, чем место, из которого росли. Именно туда был направлен неумолимый наконечник лисовской стрелы. Звериным чутьем уловив угрозу, неведомый убийца вновь дернулся в сторону, под старую колоннаду римского портика.

– Так это ж эти... Страсти Господни, – вспомнил Сергей. За спиной послышался топот десятка ног – Карел привел подмогу.

– За мной! – крикнул Лис, бросаясь вперед.

Храм точно вздрогнул. Грохот рушащегося камня сотряс его, окончательно положив конец рассветной идиллии.

– Не понял. – Лис замер и вскинул руку в останавливающем жесте. – Шо это было?

– Убежища! – послышалось со стороны церковных врат. – Убежища!

* * *

Ранняя побудка вовсе не порадовала Женю. Еще бы, ей снился такой замечательный сон! Она, правда, не могла вспомнить, о чем, но точно помнила, что яркий и красивый. И вдруг – на тебе: крики, грохот, трупы.

Когда преследуемый скрылся за стеной, первым ее желанием было – вернуться в прерванный сон. Так бы она, вероятно, и поступила, не будь Евгенией Тимуровной Гараевой, которую с детских лет учили, что поступать нужно правильно, а не так, как хочется.

«С ночным гостем Сергей с Карелом как-нибудь разберутся. Сейчас нужно посмотреть, что там со стражниками. Быть может, только ранены, а значит, им нужна помощь». Еще в школе, затем в университете и на спецкурсах она старательно, впрочем, как и все остальное, осваивала азы медицинской подготовки. «Надо осмотреть раны, промыть их и обработать», – наскоро одеваясь и набрасывая длинный плащ, повторила про себя Женя. Возиться с окровавленными телами, прямо сказать, очень не хотелось, но она должна помочь! «Можно ли воспользоваться институтской аптечкой? – крутилось у нее в голове. – По инструкции не полагается. Но вот Лис, появившись неожиданно, точно бы не вспомнил об инструкциях...» Она вышла в сад. У здания, некогда бывшего купальней, хлопотали разбуженные слуги. Двое суе-тились у лежащих на земле тел, еще один с копьем стоял у двери.

– Постойте! – стараясь подражать Сергею, командным тоном произнесла Женечка. – Что с ними? Они ранены?

– Мертвы, добрая госпожа, – отозвался один из слуг. – Мертвее не бывает.

У Жени невольно отлегло от сердца. Она порадовалась, что не придется использовать свои медицинские навыки, по большей мере теоретического свойства. Но в тот же миг это чувство наполнило ее стыдом. Как она может быть такой бездушной? Ведь убиты три ни в чем не повинных человека.

– Прямо в сердце, – продолжал слуга, радуясь вниманию слушательницы. – И ведь что странно: и у одного, и у другого доспехи пробиты на груди. Это ж с какой силой ударить надо,

чтоб так проткнуть железные пластины внахлест, да еще гамбизон⁴ из буйволово́й кожи?! Да так аккурат, меж ребер войти. Захочешь – так не ударишь.

Слова говорившего звучали буднично, едва ли не с восхищением. Евгения почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы и комок тошноты подступает к горлу. Она махнула рукой и пошла к вилле, обдумывая, как рассказать Сергею о происшествии.

Повинуясь останавливающему жесту, Карел и поднятые им воители замедлили бег. И очень вовремя. Одна из колонн портика рухнула прямо на улицу, едва не зацепив Сергея, который едва успел отскочить. Из темноты послышался угрожающий рев и вроде бы змеиное шипение. Нечто мощное, одним прыжком вмиг преодолев метров десять, оказалось нос к носу с Карелом. Их разделяло всего несколько шагов, и чудовище, облизываясь всеми тремя языками, готовилось к новому прыжку.

Каким-то шестым чувством нурсийский герцог ощутил, что драться придется один на один. От вида чудища бароны застыли соляными столбами, давая себе зарок больше никогда не пить. Во всяком случае, сегодня. Во всяком случае, до рассвета...

Их можно было понять. Существо, припавшее к земле для нового прыжка, выглядело настоящим воплощением похмельного бреда в часы болотной лихорадки: поджарое, размером с крупного льва, оно имело три головы, одна страшнее другой. Череп каждой из них венчали длинные кривые рога, острые, точно наконечники копий. Две пасти были распахнуты, демонстрируя ряды клыков, одна сомкнута, из нее свисал длинный кожаный шнурок. Вокруг голов, невзирая на отсутствие ветра, развевались пышные гривы, которые можно было принять за львиные, когда б не состояли они из тысяч мелких, сочащихся ядом змей. Еще один представитель змеиной породы, но куда большего размера, – изголодавшийся питон, приделанный жуткой твари вместо хвоста, угрожающе метался из стороны в сторону.

– Ой, мамочки! – прошептал Карел, настороженно выставляя перед собой меч. – Куда ж тут раньше?!

Он не успел додумать. Одна стрела ударила чудовище прямо в глаз средней головы, той самой, что не открывала рта. Мерзкая тварь взвыла от боли, угрожающе распахнула пасть, и тотчас же вторая стрела, зацепив свисавший ремешок, выдернула из-за чостокола клыков какой-то предмет и продолжила свой полет.

В тот самый миг, когда первая стрела поразила тварь, вышедший из оцепенения Карел бросился в атаку, рубя наотмашь ближайшую голову. Питоновидный хвост метнулся ему навстречу и сбил с ног ударом в грудь. Богемец уже ясно видел занесенную над ним когтистую лапу. Он поспешно откатился, но в тот миг, когда неведомый враг вновь оказался в поле его зрения, просто утратил дар речи – беломраморная тварь с занесенной лапой застыла посреди улицы, всем видом своим источая крайнее отвращение к человеческому роду.

– Ничего себе, выход каменного гостя из-за печки! – послышался над головой встревоженный голос инструктора. – Живой?

Карел сел, потирая ребра, чувствительно ушибленные даже через кольчужное полотно и поддоспешник.

– Да, – с натугой выдавил он, поднимаясь с земли. – Очень сильный удар, словно тараном! Лис обошел мраморного монстра.

– Ну, считай, тараном и есть. Маманя дорогая! Хорошо, что здесь нет общества охраны памятников. Шо за припадок бешенства у каменных рогатых крокодилов? Кстати, ты молодец! Успел-таки отломать на память десятка полтора змеючек. Прихвати с собой, в Институте пройдут за сувениры. Бастиан, ты у нас большой специалист по монстрам. Шо ты там днем вещал за этих отходов божественного творения?

– Это химера! – возмутился выпускник Сорбонны. – Химера, убитая Беллерофонтом!

⁴ Гамбизон – поддоспешник, надеваемый для смягчения удара.

– Ну, этому Фонту она, похоже, отомстила, – хмыкнул Лис, переведя взгляд на обломки валявшейся в тени портика статуи. – Меня другое напрягает: чего это оно стояло-стояло, и вдруг ни с того ни с сего взбеленилось?

– Понятия не имею. Вероятно, какие-то чары.

– Валет, ты меня не путай. Чары – это то, из чего брагу пьют. Стало быть, никаких трезвых соображений нет?

– Увы, ничего такого не вспомнить.

– Хреново. Убойная шарада для столь раннего часа.

Сергей поглядел на баронов, обступивших изваяние, устрашающее даже в своей неподвижности, опасливо трогающих белый камень.

– Ау, красавцы, в музее мертвый час. Вы что, не слышали, вражина заскочила в храм?! Шо вы тут стоите – ждете, пока вернется?

– Но у него же право убежища, – напомнил один из воинов.

– А-а, в этом смысле! – восхитился Лис. – Это в корне меняет дело. Значит так, сыны отечества, есть два варианта. Первый: я прямо сейчас начинаю рубить вам головы. И второй: пока я только угрожаю, вы со всех ног бежите в храм и тоже просите убежища. И прилепитесь там к этому любителю ночных пробежек, как репы. Глаз с него не сводить! До ветру, в исповедальню – без разницы. Хоть на голову ему сядьте. Уйти он не должен! А мы сейчас с этим распявшимся памятником античности разберемся и придем вас навестить. Действуйте!

Воины, слышавшие днем речь Гизеллы, несказанно подивились крутому нраву назначенного ею военачальника, но перечить не стали – проявленная им за миг до того отвага потрясла каждого из них до глубины души.

– Ладно, борец с химерами, – оставшись наедине с Карелом, махнул рукой Сергей. – Давай-ка тут пока разберемся. – Он зашагал в ту сторону, куда улетела стрела. Наследник престола Нурсии понуро побрел за ним. – Скажи, пожалуйста, вас там, в президентской гвардии, только маршировать учили? Команда «бегом» с первого раза недоступна? Где тебя носило? Почему ты нашему спринтеру путь не отрезал?

– Я хотел... – виновато оправдывался Карел, —

...но ворота заперты были. И там около них спали еще. А ключник вообще куда-то ушел. Пришлось через стену лезть.

– Как интересно получается: ворота заперты, наружная стена раза в полтора выше, чем внутренняя, да и какая-никакая охрана бодрствует. А наш бегун умудрился проникнуть в здание резиденции и навести шороху на весь Париж.

– Может, он был уже во дворе, когда заперли ворота? – предположил Карел.

– Правильно сообразил. К гадалке не ходить – так и было, – кивнул Сергей, стараясь на ходу отыскать вразумительные ответы на мучающие его вопросы. – Тогда выходит, это кто-то из своих. Неприятное откровение для Гизеллы. В любом случае тема не закрыта: что ему было нужно? К чему весь этот сыр-бор и народные гуляния?

Богемец пожал плечами.

– Ты не знаешь, что у них там, в бывшей купальне? – спросил Лис.

– Кажется, сокровищница, – неуверенно ответил Карел. – Днем, когда мы приехали, Дагоберт велел отнести туда дары, преподнесенные в Турнэ и Суассоне.

– О как?! Выходит, наш бегун – просто-напросто банальный грабитель?!

– Ага, так и выходит! – обрадовавшись незатейливому объяснению, выпалил богемец. – Мы его спугнули, он и припустил.

– Спугнули? – Лис почесал затылок. – Ты видел, как он выскакивал из сокровищницы?

– Нет, – прокрутив в голове воспоминания, признался Карел зе Страже. – Я его заметил, когда он уже наутек пустился.

– То-то и оно. Не вяжется как-то одно с другим. После того, как Бастиан услышал шаги, мы действовали быстро и оперативно. Даже считая, что мы подарили ему фору, пока думали, что он царевубийца, времени у него было совсем немного. Но он успел дойти до сокровищницы, убить стражников, открыть замки. Кстати, надо выяснить, куда делся ключник... Наш любитель ночных прогулок либо хотел просто ради досужего измывательства открыть дверь и быстро уйти, либо, что более вероятно, взять нечто очень ценное и при этом небольшое по размерам, точно зная, где оно лежит. Соображаешь?

– Да, – радостно закивал Карел.

– Что же это, по-твоему, может быть?

– Не знаю. Может, корона?

– Сомневаюсь – ломать жалко, а сбыть невозможно.

– Тогда что же?

– Шас увидим. – Сергей прибавил шаг. – Сдается мне, это самое нечто как раз и болталось на шнурке в пасти рогатого крокодила.

Они подошли к дереву, в ствол которого почти на уровне глаз воткнулась стрела.

– О, я знаю, что это! – воскликнул Карел. – Это амулет, который висел на груди, – при этих словах его передернуло, – Брунгильды. Ну, в смысле, не Брунгильды, а гарпии. Его Дагоберт тогда, у пещеры, среди камней подобрал.

– Понятно, – опасливо глядя на чуть было не утерянное сокровище, кивнул Лис. – Странная история получается, очень странная... Кому-то приходит в голову идея покормить одно чудище сувениром, оставшимся от другого. И оно действует, как охрененно могучий допинг. Так сказать, мы рождены химеру сделать былью. Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет, – со вздохом сознался сержант.

– Я вот тоже. И мне это действует на нервы.

– Мессир! Мессир! – раздалось со стороны храма. – Там этот человек...

– Что такое?

– Он мертв!

Глава 4

*Одна голова хорошо, а три идут по стандартному курсу: рука
принцессы и полцарства в придачу.
Справочник юного витязя*

Сергей резко обернулся на крик.

– То есть как – мертв?! Душегубы, вы что же, прикончили человека, искавшего убежища в храме? Мессир, ты кого на мою голову разбудил? Они с утра крови не хлебнут – весь день, шо те упыри голодные!

– Мы не убивали! – гонец дурной вести не замедлил оскорбиться столь несправедливым обвинением. – Он сам! Мы его даже пальцем не тронули.

– Ага, с перепугу кони двинул. Ты б видел, каким жеребцом он из-под стены копытами сверкал. Сборник Франции по бегу!

– Я клянусь вам, – приблизившись к Лису, воин поднял руку, точно для присяги. – Мы только вошли, а он лежит перед алтарем и не дышит. Совсем не дышит! Рука за пазухой, одна перчатка рядом валяется. Видать, сердце не выдержало.

– Сердце не выдержало? – Лис озадаченно поглядел на каменное чудовище и обломки колонны. – То есть, у нас при взгляде на это одоробло прыгучее – выдержало, а у него от Страстей Господних – нет? Ни хрена себе, пробежался от инфаркта! Странная история... Ну-ка, стоп! – Он замер, точно пораженный током, и вперил в собеседника изучающий взгляд. – Бегун что же, был в перчатках?

– Ну да. Одну скинул, видать, за пазуху лезть мешала.

– Погоди-ка, дружаня, я услышал, не части.

Лицо Сергея вдруг стало задумчивым.

– Меча при нем не было, мороза посреди лета вроде тоже не наблюдаем. На какого бы рожна ему перчатки?

– Чтوب не оставлять отпечатков пальцев! – обрадовался собственной находчивости Карел.

– Герцог, ты сэр Жант или сэр Вант? Думай иногда, что говоришь. Какие, к лешему, отпечатки пальцев? Ты щас буквально пророчество изрек, сам того не заметив. Веков через двенадцать аккурат здесь и додумаются взглянуть на отпечатки повнимательнее. Не торопи историю, под ее колесами и так мало никому не кажется.

– Но я не хотел...

– Ладно. Спишем на диковинный нурсийский фольклор. Да, отпечатки! Конечно же! Как я сразу не подумал? – выпалил Сергей так радостно, будто в этот миг на него снизошло откровение. – Это был один из тех, чьи руки напитаны льдом. Они светятся в темноте и убивают, точно змеи. Горе мне, с кем изменяет моя память?! О них же писал в своем вдохновенном трактате Максфрай Светлый! Шо я морозю? Слышал бы я себя в другое время... Мой герцог! Не прикасайтесь, ради всех святых, к этой стреле и особенно к медальону!

– Но почему? – удивился Карел, как раз вознамерившийся получше рассмотреть трофей.

– Возможно, яд обледенения, сочащийся из-под его ногтей, напитал эту вещь! Дружаня, проснись! Вор стащил одну-единственную побрякушку, совсем недавно болтавшуюся на шее гарпии. Ничего другого в казне не тронул. Думаешь, случайно схватил и побежал? Перца с два! Затем он сунул эту бижутерию в рот каменного уродца, и тот пошел скакать, шо козленок, объевшийся конопли. А как лишилась ценного вложения – снова окаменела, и, шо показательно, бегун в знак солидарности тут же склеил ласты.

– Какие ласты? – удивился богемец.

– Свои. Не в этом суть. Я рупь за сто даю, он был в перчатках, потому что не мог просто так держать эту хреновину голыми руками и знал об этом.

– Но отчего?

– А я почему знаю? Дагоберт в руках крутил – и хоть бы что, как был мрачный тип, так и остался. Впрочем, он другой породы. В том и загвоздка. Ох, чую шо-то здесь нечисто!

– Что прикажете с усопшим делать? – между тем спросил воин.

– Шо ты ко мне пристал? Я по трупам не специализируюсь, а в церкви о том и без под-сказок знают. Хотя, стоп! Успеется похоронить. Для начала неплохо бы опознать.

– Да что его опознавать-то? – один из воинов почесал затылок. – Я этого злодую уже прежде видел. Он вроде как в свите кардинала состоял.

– Что?! – брови грозного начальника личной гвардии кесаря удивленно взметнулись, лицо приобрело жесткое, настороженное выражение. – Ты уверен? *Бастиян, ну-ка разбуди монарха.*

– Но как? Тут же у дверей стража.

– А хоть петухом кричи, шо за идиотский вопрос! Придумай! Во-первых, тут его вещица бесхозная мотыляется. Хорошо бы забрать, пока никто из-за нее не покалечился. Сдается, эту фиговину с загогулиной трогать, шо ядрами урана в кегли играть. Кайфу чуть, а сдох-нешь быстро. Во-вторых, есть авторитетное, то есть мое, мнение, шо начинается такая веселуха – сон нам только во сне будет сниться. В общем, действуй! Ты же первый школяр Парижа – почему город спит, когда ты бодрствуешь?! Разбуди монарха, пусть валит сюда. И как можно быстрее. Карел останется на страже, а я пройдуся, осмотрю тело.

– Какое тело?

– Уже никакое. И уж точно не то, которое мне бы страстно хотелось обозреть. Но все равно, по-своему очень интересное, только чересчур загадочное.

Дагоберт открыл глаза, словно и не засыпал вовсе. С каждым днем он чувствовал, как растет его сила, как мощнее и быстрее течет по венам жидкий огонь. Он теперь почти не нуждался в сне. За прошлую неделю усталость одолела его лишь раз, да и то после трех часов сна он вновь ощутил себя бодрым и полным неукротимой энергии. То, что прочие смертные убивали столько времени на сон, радовало уж тем, что позволяло, наконец, остаться в одиночестве, не выслушивать пышные бестолковые речи, не принимать изъявлений преданности от людей, которые и смысл-то этого слова понимают очень по-своему.

Для франкских баронов присяга верности была лишь ритуалом, завещанным от предков и потому безоговорочно исполняемым. Вот только признать над собой реальную власть все эти храбрецы, командовавшие десятками, а то и сотнями воинов, вовсе не считали обязательным. Особенно если эта власть не могла согнуть в дугу любого, кто вставал у нее на пути.

Он глядел на звенящих кольчугами бородачей во время приемов, едва скрывая гнетущую тоску, слушал их самовлюбленное бахвальство и все больше сознавал, как горек хлеб монарха. По своей воле он бы ни за что и никогда не пожелал иметь дело с этими людьми, ждущими от него даров и готовыми ринуться в ближайшую схватку ради чего угодно: добычи, славы, упоения боем, но вовсе не ради блага державы. Но, и то сказать, что для них держава? То ли дело собственный, обнесенный высокой стеной замок с окрестными угодьями. А уж мальчишка в золотом венце пока что для них – так, тень кесаря на опустевшем троне.

Он знал, что многие его предки, столкнувшись с этой напастью, позволили баронам избирать из своих рядов наиболее уважаемого и могущественного, дабы тот управлял от его имени. Так и писалось в указах: «В такой-то год царствования государя... и такой-то год правления его верного майордома...» Для них, драконов, коротающих в земной юдоли век своего мужания, человечьи дела были в тягость, и потому казалось разумным отгородиться от надоедливых подданных широкой спиной избранного ими же самими управляющего. Дагоберт вслушался

в звучание фразы: «Верного майордома...» Вот уж правда: волчья верность до первого леса. Лицо Пипина Геристальского живо всплыло в его памяти. Последние недели он вел себя поистине безукоризненно, был предупредителен и всячески пекся о пользе страны. Это настораживало.

Больше всего Дагоберту хотелось казнить майордома и тем уберечь себя от предательства. Однако начать царствование с казни первейшего из вельмож, имеющего огромные владения и великое множество верных лично ему баронов, – не лучшая затея. К тому же, поскольку всенародно было объявлено, что мнимая сестра его, Брунгильда, оказалась исчадием ада, подчинившим своей воле едва ли не целый народ, то и казнить его, получается, не за что. Он – первый среди пострадавших, и он же первый, присягнувший на верность законному наследнику престола.

И все же верить своему майордому Дагоберт не мог. Ненависть, затаенная в каждом взгляде, обжигала сознание юного кесаря, даже если вельможа опускал перед ним глаза. Конечно, «вернейший из верных» не простил крушения своих замыслов ни ему, ни его невесту откуда взявшимися друзьям.

А ведь его план почти осуществился.

Дагоберт невольно усмехнулся, припомнив этих в высшей мере диковинных людей. Он и сам не понимал, откуда взялись столь дивные чужестранцы и что им нужно в его землях. Наследный принц некой заморской державы, о которой он и слухом не слыхивал ни в этой жизни, и ни в одной из тех, в которые свободно мог перетечь сознанием. Его невеста, менестрель и дядька-наставник, распоряжающийся, как ни в чем не бывало, людьми, куда более высокородными, нежели он сам. Кто они? Откуда? Что потеряли здесь? И эта история о невидимых драконах... Фрейднур с ясными глазами божится, что сам лично был жертвой атаки одного из них. Но кому, как не Дагоберту знать, что никаких невидимых драконов нет и быть не может! И все же эти люди почему-то на его стороне. Это непонятно и потому заставляет тревожиться, хотя причин для сомнений нет. Странная, очень странная история.

За дверью спальни послышался шорох.

– ...Нет, его следует разбудить сейчас же! – узнал он голос Бастиана.

– До рассвета не велено! – твердил стражник.

– Я не сплю! – крикнул Дагоберт. – Пусть войдет!

Он вскочил, натягивая льняные штаны.

– Что случилось?

Лис склонился над трупом. Святые отцы и воины, прибежавшие с Карелом, отступили, давая возможность другу и соратнику кесаря осмотреть тело.

– Та-ак! Шо мы имеем с птицы гусь? – протянул Сергей. – Следов насильственной гибели нет. Лицо скрючило, точно от ужаса и сильной боли. Спрашивается, шо в церкви его могло так напугать? Картины Страшного суда – и той нет. Перчатки с крагами – не пойми зачем. Кинжал. – Лис вытащил оружие из ножен у пояса погибшего. – Занятная штука. Похоже на дамаск, но цвет какой-то другой. Возьмем на экспертизу.

Сергей поглядел на воинов, ожидающих его приказа.

– Выяснили, что у него там за пазухой чесалось?

– Нет, – растерянно покачал головой его давешний собеседник.

– А шо так?

– Да к чему? Мертвый же уже.

– Да-а, с такими каши не сваришь.

Лис одним движением разрезал одежду на груди кардинальского приспешника. Чуть ниже нательного креста висел амулет – прозрачный золотистый камень в обрамлении черного серебра на шнушке из конского волоса.

– Какая интересная штукавина! – Лис приподнял украшение острием кинжала. – Вы точно уверены, что парень из свиты папского легата?

– Он вчера приходил, – утвердительно кивнул старший из воинов. – Приносил дар государыне от его высокопреосвященства – изукрашенный молитвенник работы константинопольских мастеров.

– Ишь ты! Занятно, занятно. Сам видел или кто рассказал?

– Сам видел. Пришел он, значит, и говорит: «Его высокопреосвященство посылает сей дар...»

– Ну, куда он его посылает, это понятно. Ты молитвенник сам видел?

– Видел. Этот, – воин указал на труп, – развернул парчу, а в ней – книга. Доски обтянуты наилучшим сафьяном. Замок и украшения переплета – золотые с камнями драгоценными.

– Хорошо. Я понял. Дальше что было?

Франк пожал плечами.

– Да, почитай, ничего и не было. Передал молитвенник господину майордому и вроде как остался ответ поджидать. А уж как потом все получилось – не ведаю.

– Понятно. Чем дальше – тем страньше. *Ау, команда! Вы там не позасыпали? Вы нас слышите?*

– *Так точно*, – донеслось в ответ.

– *Слышу, конечно, господин инструктор*, – отозвался Бастиан. – *Кесаря разбудил, мы уже на пути к вам.*

– *Смотрите, шо у нас вырисовывается. Некто принес драгоценную рукопись в подарок Гизелле. С понтом от кардинала.*

– Понт – это мост? – поинтересовался Бастиан.

– *Скорее уж, это от греческого «понт» – буквально «море разлитое» Представь себе, идет человек, а такое ощущение, шо целое море с китами и каракатицами движется навстречу.*

– *Признаться, мне трудно понять это*, – печально вздохнул менестрель.

– *Лучше не признавайся, а просто пойми. Потому как бросать понты или колотить их в нужном месте в нужное время – это тоже часть нашей работы.*

Но вернемся к делу. С книгой есть две закавыки. Первая: никто сейчас достоверно не может сказать, действительно ли фра Гвидо Бассотури посылал этот милый презент вдовствующей государыне. И вторая закавыка: попал или не попал манускрипт в руки Гизеллы – еще предстоит узнать. А вот то, что он сперва очутился в цепких лапах Пипина, – кажется, непреложный факт. Так шо вполне может быть, с помощью этой книги на самом деле был подан некий знак майордому, ну и под благовидным предлогом ожидания, как там было в «Алисе»: «Шо скажет герцогиня?» – этот хмырь до поры до времени заныкался среди баронов, не привлекая внимания. Что дальше было – понятно.

– *Прямо детектив какой-то*, – отозвался

Карел.

– *Да хоть прямо, хоть криво – так оно и есть!*

– *Но мы же не будем заниматься тут расследованием? Это ведь не наша работа.*

– *Тю! Слезай – приехали! А чья? Будем дожидаться, пока местных жителей посетит светлая идея построить набережную Орфевр, а на ней возвести Сюрте Криминаль? Институтская бухгалтерия ни в жисть не согласится оплачивать нам такие командировочные.*

– *Но мы же оперативные работники, а не сыщики!* – не унимался нурсийский престолонаследник.

– *Ну, правильно, оперативники – стало быть, опера. Так шо, господин стажер, прекрати ныть, шо та комариха на мужниных поминках, и меряться, где чья работа. Наша задача – выполнить приказ Института, и все, шо для этого потребуется, хоть вилкой океан взбивать,*

в нее входит. Если вдруг по ходу действия у тебя заболит голова, на что я очень надеюсь, то знай, это непривычные ощущения от того, что умные мысли стучатся в лобовую кость твоей черепной коробки. Чем раньше ты ихпустишь – тем быстрее исцелишься.

Бастиян! Шо там монарх?

– Уже совсем близко.

– Отлично. Жду его с нетерпением. Потому как на груди у пострадавшего обнаружилась бранзулетка с точно таким же камнем, как на том милом украшении, что осталось ему на память от твердокаменной Брунгильды. Только размером этот самоцвет раз в несколько поменьше. И шо-то мне сдается, мода на медальоны у них неспроста.

Сестра майордома сидела на кровати, обхватив колени руками. Пробуждение было тяжелым. Ее бил озноб. Ей казалось, стены древней виллы медленно, но неуклонно сдвигаются, грозя раздавить ее своей каменной толщей. С момента спасения она до жути боялась оставаться в замкнутом пространстве. Даже за полночь, стоило ночной страже, проходя вдоль коридора, прикрыть распахнутую дверь спальни, она тут же просыпалась, вскакивала и бежала открывать ее. Это было ужасно. Вечером она специально обходила комнату, прощупывая стены и убеждая себя, что они не могут сдвинуться с места. Но стоило лечь в постель, и она явственно слышала тихий шорох, с которым холодный камень трогается с места. И эти сны, непонятные и оттого еще более страшные, лишали ее отдыха, изнуляли тело и душу, заставляли и без того молчаливую девушку погружаться в мрачное оцепенение, резко вздрагивать от любого обращенного к ней слова. Пожалуй, лишь благородная дама Ойген понимала ее терзания, со вниманием слушала ужасные рассказы о ночных видениях и старалась, как могла, развеять тревожные мысли.

Брунгильда заметила, как в проеме распахнутой двери мелькнул знакомый плащ.

– Ойген! Зайдешь ко мне? – жалобно окликнула она.

Невеста принца Нурсии заглянула в комнату.

– Что-то случилось?

– Мне плохо и страшно. Сил нет, все тело ломит, – пожаловалась она. – А ты почему так рано уже на ногах?

– В дом проник грабитель, – пояснила Женечка. – Убил трех стражников. Сэр Жант и мастер Рейнар преследовали его, правда, живым взять не смогли...

Взгляд Жени скользнул по лицу подруги, та выглядела неважно. И вдруг...

– Сергей! А ведь у нашей Брунгильды тоже есть медальон с таким камнем.

Мадам Гизелла неистовствовала. Затравленным зверем она носилась по тронному залу, выкрикивая бессвязное:

– Они нашли, отыскали нас! Они убьют его! Убьют меня! Они хотят нашей смерти! Ты слышишь? Нашей смерти! Они не остановятся!

Ее верная наперсница, благородная дама Ойген, явилась на зов государыни, чтобы терпеливо выслушивать причитания мечущейся в истерике женщины. Это было частью ее работы, но что скрывать, Жене Гараевой и впрямь было очень жалко молодую вдову, живущую в состоянии непрерывного стресса и видящую в каждом затаившегося убийцу.

– Ойген, ты одна меня понимаешь! – скороговоркой выпалила Гизелла. – Париж – ловушка для моего сына, а венец кесаря станет ему терновым венцом! Здесь нельзя оставаться! Нужно бежать! Бежать как можно скорее. Там за Луарой – владения моего отца. Его люди не выдадут. Я знаю это, в них я уверена. А здесь...

Ты видела глаза кардинала Бассотури? Он смотрит на всех, точно оценивает. Клянусь мощами святого Ремигия, он давно уже оценил голову Дагоберта, да и мою тоже. Он ничего не забыл и ничего не простил! То, что случилось этой ночью, – лишь начало. Они не остановятся, не уймутся. Надо спешить! Каждый час может стать последним...

Ты говорила, вчера Пипин встречался с монсеньором Гвидо? Это заговор! Я чувствую, кругом заговорщики. Они сжимают кольцо вокруг нас. Да-да, Ойген, я чувствую это! – Гизелла приоткрыла одну дверь, поглядела на замерших у входа стражников и повелела им отойти подальше. Затем опрометью метнулась ко второй двери, повторила приказ, устремилась к наперснице: – Мы не можем больше медлить! Надо искоренить злую измену. Я уверена, что Пипин виновен. Ждать, пока он снова нанесет удар, – безрассудно. Мы сегодня же выедем в Аквитанию, якобы для принятия оммажа у тамошних баронов. Пусть кардинал дожидается ответа в Париже, все равно мы не можем собрать войско, покуда не присягнут все, кто станет под наши знамена. Да-да, медлить нельзя, иначе может случиться, что, вернувшись домой, мы застанем трон Меровингов уже захваченным...

Гизелла приблизилась вплотную к Ойген и говорила уже совсем тихо, почти шепотом:

– Едва мы окажемся по ту сторону Луары, я повелю схватить Пипина и умертвить. Так будет лучше для всех.

– Но ваш сын помиловал его!

– Мой сын еще слишком мал и не понимает, насколько опасен этот человек. Раскаяние его – не более истинно, чем свет болотных огней. Оно заманивает в пучину, увлекает в черную бездну, скрытую под изумрудной травой. Разве его встреча с кардиналом – не лучшее тому доказательство?

– Доказательство чему? – пытаюсь урезонить высокородную пациентку, вставила слово Евгения Тимуровна.

– Измене! Конечно измене! – выпалила мать юного кесаря. – Рим никогда не смирится с тем, что франкскими землями правит род Меровея. А Пипин все последние годы только и делал, что умасливал понтифика и его двор. Я скажу тебе больше, но это огромный секрет... Как ты сама знаешь, кардинал прибыл сюда якобы для того, чтобы просить у Дагоберта поддержки в борьбе против абаров. Если те и впрямь драконьей крови, то сыну придется поднять оружие против своих. А если он откажется сделать это, Рим объявит Дагоберта отступником и отлучит от Церкви. Это западня! Понимаешь? Хитрая западня. Я никому не могу довериться, одной лишь тебе! А потому умоляю, помоги мне!

– Я?! Но как?

– Уговори своего жениха и мастера Рейнара отправиться к абарам. Их здесь не знают, никого не удивит их отъезд. Если мы заключим договор с этим драконьим народом, мы сомнем и Рим с его коварным епископом, и местных заговорщиков, продавшихся ему. Это наш шанс. Быть может, единственный!

Глава 5

Действуйте нетривиально: перебегайте дорогу черным кошкам.
Барнум

Лис двигал фигуры на шахматной доске. Резные щитоносцы и всадники, белые – из слоновой кости, черные – из эбенового дерева, удивительно тонкой, не иначе персидской, работы. Слова Гизеллы звучали в голове, не добавляя ему оптимизма. В их оперативном звене общение с вельможами, а с венценосными особами и подавно, почти всегда брал на себя его бессменный напарник Вальдар Камдил – лорд Уолтер Камдейл. У него куда лучше получалось вразумить августейших собеседников и направить их на верный, с точки зрения Института, путь.

Но Вальдара рядом не было, зато поблизости обреталась впавшая в истерику белая королева. Лис тронул фигуру. «Как там ее по-научному? Ферзь...» То, что в эти минуты доносилось до его слуха, заставляло позабыть и недавнюю эйфорию коронации Дагоберта, и надежду на скорое возвращение домой.

Европа, уже в который раз за время его службы, балансировала на грани кровавой бани. И спасти ее нужно было не с асом-напарником, а с тройкой желторотых стажеров, которых самих еще опекать и дрессировать. В голове его звучали слова: «...Если мы заключим договор с этим драконьим народом, мы сомнем и Рим с его коварным епископом, и местных заговорщиков, продавшихся ему. Это наш шанс. Быть может, единственный!»

«Час от часу не легче... Кто бы ни заварил сегодняшнюю кашу, а мы теперь замаемся ложками махать. – Сергей вновь восстанавливал в памяти цепочку ночных событий. – Забрался в дом, свернул шею стражнику, переждал, когда пройдет очередной патруль, тихо прокрался через гинекей, заколол стражников у купальни, то бишь сокровищницы... Два точных удара прямо через доспехи. Коротко и однозначно. – Лис вытащил из-за голенища сапога прихваченный на месте преступления кинжал из непонятного металла. – Если все остальное можно списать на чутье и ловкость ночного гостя, то здесь начинаются странности. Доспехи не для того делаются, чтоб их вот так запросто можно было проткнуть, точно юбку Марь Ивановны, подложив ей на стул кнопку...

Дальше – страньше. Из всей сокровищницы похитителю зачем-то понадобился лишь медальон гарпии. А вот интересно бы знать, как он его нашел? В помещении темно, светящиеся указатели не предусмотрены... Быть может, эти камни притягиваются друг к другу, точно магниты?»

Он подвинул острием кинжала лежавший на шахматной доске второй трофей, снятый с шеи ночного гостя. Прозрачная сияющая глубина желтоватого камня помимо воли притягивала взор, точно засасывая в нереальную, но вполне осязаемую бездну. «Странная штука-вина... Надо бы у Базы запросить, шо у нас тут за ювелирное творчество народов мира...

Похоже, они действительно как-то связаны друг с другом. Похищенный амулет, который беглец пытался скормить химере, если предположить, что «впоследствии» все же порой значит «вследствие», как-то вдруг сам собой активизировался и в один глоток выпил из кардинальского слуги всю жизненную силу. А затем перекачал ее в каменного монстра. Никогда о таком прежде слышать не доводилось!

Кстати, Женя говорила, что у Брунгильды нынче среди ночи тоже мигрень разыгралась. Может, на самом деле вовсе и не мигрень? Что, если ее тоже этим медальоном торкнуло? Кажется, вполне логично: если у сестры майордома и впрямь украшение с этим таинственным камешком, а не с каким-нибудь желтым топазом, то, рупь за сто – через него гарпия качала у Брунгильды энергию. А хаммари, наверное, стоял у крантика, чтоб все за раз не выпила. Надо бы барышню предупредить...

Но, по-любому, сей факт не дает объяснения, с чего вдруг этому ушлепку понадобилось приделать ноги не короне, не ларцу с драгоценностями, не мешку с золотом, а непонятному арденнскому сувениру, да еще с приветом от хаммари. Для чего он его увел? На что надеялся? – Лис вновь шаг за шагом восстанавливал картину погони. – Стоп! Есть зацепка!»

Он снял с доски вздыбленного черного коня и стал крутить его между пальцами.

«Вот душегуб соскочил со стены, отбежал, точно ему пятки наскипидали, и вдруг застыл, оглядываясь, будто кого-то ждал. И очень удивился, не увидав на месте. Получается, эти каштаны из огня он таскал для кого-то. Интересно, очень интересно... Надо срочно проверить, действительно был этот малый на службе у кардинала Бассотури или банально прикрылся его именем и ценным подарком. Если он не из кардинальской братии, выходит, здесь рядом есть некто весьма заинтересованный еще до начала переговоров внести раздор между Дагобертом и папским легатом. В таком случае покойный при любом раскладе был не жилец. В статусе трупа он куда надежнее сохранит тайну...

Бр-р!!! Политика – смердящее дерьмо, во все века и у всех народов. Ладно. Мы рождены, шоб завтрак сделать сегодником. Работаем!»

– Тимуровна и ее команда, воспряньте духом! А ну-ка, поделитесь со мной в общих чертах планами ваших действий в связи с нынешней бурно проведенной ночью.

– В чем-то Гизелла права, – силясь примирить реальность с чудовищами, рожденными воспаленным разумом матушки повелителя франков, заявила Евгения. – *Налицо заговор против Дагоберта.*

– Тимуровна! *Шо там у кого с лицом – это вам, теткам, виднее. А заговоры при дворе – вещь настолько обыденная, шо волноваться следует не тогда, когда они есть, а если их почему-то нет. С какой-то такой хренью мы и столкнулись, с этим не спорю. Но шо там внутри, из какой задницы ноги растут – надо быстро разбираться.*

– Я не говорю, что Гизелла права абсолютно, – попыталась вставить Женя.

– Это радует. Главное, чтоб ты так и не думала. *Шо-то мне подсказывает: светлая идея заключить союз с абарами – это как раз то, чего добивается некто, стоящий за ширмой. Осталась мелочь: узнать, кто это и зачем ему устраивать весь этот цирк с конями. Ладно, как говорится, на каждый ваш заговор получите наш выговор. Парни, слушаю ваши доклады.*

– Я в особняке кардинала Бассотури, – не замедлил с ответом Бастиан, – пытаюсь раз-узнать, действительно ли погбиший злодей состоял в свите его преосвященства.

– Молодец! – похвалил Сергей. – И как успехи?

– Неоднозначно, – сознался Ла Валетт.

– Неоднозначно все, шо больше девяти и меньше бесконечности. Конкретизируй.

– Этот малый не состоял в свите кардинала, – отозвался юноша. – Но, вместе с тем, практически каждый тут его видел. Я уже выслушал десяток версий, чьим слугой его считали. Одно можно сказать уверенно: наш полуночный гость действительно прибыл сюда из Рима, хотя никто не ведает, как он там оказался. Судя по акценту, покойник не был уроженцем Романьи. Все говорят о его ловкости и, мягко говоря, беспринципности. Если верить рассказам, подчас он выполнял поручения весьма щекотливого свойства. Одним словом – ловкий мошенник, пригревшийся у кормушки, и, кажется, не более того.

– А вот тут неувязочка выходит, – перебил его Лис. – «Не более того» было бы, если б этот прощельга схватил в охапку мешок золота и дал стрекача с острова. В конце концов, представлял, на какое дело идет. Лодку у берега мог бы заранее припрятать. А этот – нет. Мало того, что умыкнул веещицу неочевидной стоимости, так зачем-то помчался с нею не в какой-нибудь глухой притон, а в храм. Покаяния ради? Шо-то эта версия не кажется мне убедительной...

Кстати, о сувенирах. Карел, как себя повел Дагоберт Дагобертыч, увидев болтающийся на острие стрелы подарок от гарпии?

– Да как? Спокойно, – прорезался на канале связи престолонаследник Нурсии. – Снял со стрелы, в кошель засунул и ушел как ни в чем не бывало. Только кивнул, мол, спасибо. Немногословный парень.

– То есть... руками снял? Без перчаток, без ничего?

– Руками, – чуть помедлив с ответом, должно быть вспоминая, подтвердил Карел. – Как иляпу с гвоздя.

– А в храм за бранзулеткой почему не пошел?

– Не знаю. Я ему говорил, – стал оправдываться богемец. – А он – точно не проснулся толком. Подошел, снял, кивнул, развернулся и обратно пошел.

– Беда с этим тинейджером, – вздохнул Лис.

– Да не, ну я ж, правда... – пустился в объяснения сэр Жант.

– Красавец-мужчина, не о тебе речь, а о Дагоберте. Переходный возраст у драконидов – самое жуткое время. Ладно, пока, за исключением мертвых, все живы. Продолжаем творить добро и порой даже вытворять его. Слушай внимательно. Что-то с этими украшениями неладно. А потому займись-ка госпожой Брунгильдой. Она сейчас подопытный экземпляр. Надо понять, как именно на нее влияет каменное наследство гарпиш. Прояви к ней интерес, расспроси о здоровье. Женя вон говорит, что ее дурные сны мучают. Может, это как-то связано с ее медальоном. На всякий случай запроси на Базе какой-нибудь путевый сонник и постарайся изобразить умного человека.

– Но, господин инструктор!..

– Да, знаю, с непривычки тяжело, но я в тебя верю. Ты, главное, не беспокойся. В этих краях мало кто знает, как выглядят умные люди. Держись свободно, чувствуй себя уверенно. Помни, что первое впечатление от тебя у большинства: «А не станет ли это впечатление последним?!» В общем, есть все, чтобы очаровать среднестатистическую темновековую, но высокородную деву. Твоя задача – выяснить, как Брунгильда взаимодействует с медальоном, который висит у нее на груди. Не доставляет ли он ей каких-либо неудобств. Или, может, дает какие-то способности? Ну и еще одно, очень важное: на данный момент Брунгильда только осматривается в этом мире. Но она, волею судьбы, – сестра майордома, а все, что будет делать Пипин, нас очень интересует.

– Так что же, я должен обольстить ее?

– Ах нет, как можно?! – В голосе Лиса послышалась жеманная нотка. – Давайте останемся друзьями! Карел, я не прошу тебя укладывать ее в постель. Но Пипин – враг, до времени затаившийся и тем вдвойне опасный. Нам следует иметь в тылу врага глаза, уши, а заодно и все остальные части тела, чтоб при случае за нами не заржавело.

Уж извини, кофеев в Париже еще не понастроили, но конная прогулка ни тебе, ни ей не повредит. А я, увы мне, займусь склоками на высшем уровне!

Слуги распахнули двери тронного зала. Кардинал Гвидо Бассотури появился в облачении столь ярком и праздничном, что толпа зевак не только с острова Ситэ, но и с обоих берегов Сены незамедлительно сбежалась поглазеть на торжественный проезд папского легата от временной резиденции ко дворцу кесаря. Парижане, не таясь, переговаривались, обсуждая алый наряд кардинала, усыпанный камнями золотой крест на массивной изукрашенной цепи и доставленные из Леванта полупрозрачные шелковые занавеси паланкина.

Слухи о предстоящей войне и, конечно, ночное происшествие в храме Страстей Господних в эту минуту отошли на второй план. Но лишь кортеж проследовал в ворота резиденции кесаря, люд снова вернулся к пересудам о событиях прошлой ночи. Никто толком не знал, что произошло, но поваленная колонна и убежавшая из-под каменной пяты добродетели аллегория греха в утренние часы попались на глаза многим. И потому горожане и приезжие, не скры-

вая опасений, шептались о дурных предзнаменованиях, о том, что чудовище бездны вырвалось наружу и грядущая война может стать роковой для страны франков.

Кардинал Бассотури делал вид, что не слышит этих тревожных разговоров, и, тем более, не комментировал их. Он сидел в открытом паланкине с величественным и гордым видом настоящего патриция, которому нет дела до шума толпы. Вслед за кардиналом на мулах ехали сопровождавшие его священнослужители. За ними – вельможи и воины.

– Ожидается знатная перебранка, – под нос себе прошептал Лис, глядя, как невольники аккуратно ставят паланкин на землю и Гвидо Бассотури, подняв руку в благословляющем жесте, ступает на твердь двора старой римской виллы. Бароны, заполнявшие все отведенное пространство, склонили головы, но их взгляды не предвещали ничего хорошего. Известие о том, что ночной убийца принадлежал к свите легата, не миновало ни одной пары ушей.

«Надо бы как-то в зал пробраться», – подумал Сергей, разглядывая фруа Гвидо, неспешно восходящего по мраморным ступеням. Встретивший его, как подобает, у входа, майордом склонился, чтобы принять благословение. Лис протиснулся ко входу в зал, прикидывая, можно ли незаметно проскользнуть мимо стражи и где спрятаться, оказавшись внутри переговорной комнаты.

Охрана у входных дверей стояла плечом к плечу, разомкнувшись лишь для того, чтобы пропустить его преосвященство, но готовая вновь сплотить ряды перед всеми прочими. Да и в тронном зале укрыться особо негде. Зал был пуст, лишь строго посередине, сдвинутый с привычного места, стоял роскошный золотой трон, а чуть ближе к двери располагалось не менее сверкающее, изукрашенное затейливой резьбой курульное кресло для легата.

Лис когда-то слышал от Камдила, что в таких переговорах всякая мелочь имеет значение и подготовка встречи на высшем уровне сама по себе требует немалого искусства.

«Легат здесь представляет святейшего Папу, – стал бы объяснять напарник, – соответственно, ему должен быть оказан наивысший почет. В то же время, это не сам понтифик, а персона рангом ниже, и потому может претендовать лишь на такое кресло. К слову, честь тоже немалая. Первое золоченое курульное кресло было у Цезаря в римском сенате. Трон считался сиденьем более высокого ранга, и царствующий монарх в разговоре на равных должен был восседать именно на нем. Но, чтобы соблюсти церемониал, идти к трону от входа в зал надо немного дальше, чем к креслу его высокопреосвященства». Идиотские, по мнению Лиса, условности. Однако, что ни говори, именно эти мелочи, по сути, правили миром, и нарушение согласованного ритуала было бы оценено как смертельное оскорбление.

Кардинал Бассотури прошествовал мимо Сергея, совсем рядом прошелестев алой шелковой мантией и распространив вокруг аромат розового масла. Лис ухитрился глянуть через плечо стражника: с противоположной стороны в зал входил Дагоберт, чуть позади ступала его мать.

«Ну все, запустили ребенка с женщиной в вольер к кардиналу. Вот же ж беда! Во всем дворце не нашлось другой кухарки временно поуправлять государством. Сейчас разгневанная Гизелла устроит им раздачу слонов и материализацию духов...»

Стража почтительно закрыла двери.

«Может, минут через десять устроить смену караула? – прикинул Сергей. – В конце концов, я тут кто? Почти что полководец, без малого архистратиг. Придерусь, что на ламиллярах⁵ шнурки неглаженные».

Он перехватил взгляд майордома. Тот задумчиво смотрел на закрытую дверь, точно силился проглядеть ее насквозь.

– О, Пип, старый приятель! – стремглав бросился к нему Сергей. – Можно я буду звать тебя Пип? А то Пипин звучит как-то слишком официально.

⁵ Ламиллярный доспех – доспех из соединенных кожаными шнурами железных пластин.

Вельможа поморщился и отстранился. В другое время он бы велел обезглавить наглеца, но другое время безвозвратно кануло в прошлое. Теперь за хитроумным чужестранцем стояли заполнявшие двор бароны. Да и Гизелла смотрела на него, как на опору трона.

– Мои приветствия, мастер Рейнар, – буркнул он.

– Пип, да шо ты такой квелый? Не выпался, что ли?

– Прошу вас не шуметь! Здесь проходят важные переговоры.

– Ой, да ладно! Все, о чем можно всерьез договориться, можно обговорить и на привале под телегой, и в лесу под деревом, тебе ли не знать? Это все – надувание щек и распушение хвоста. Пип, я что хотел спросить. – Лису послышался зубовой скрежет. – Ты, случайно, не знаешь в Париже хорошего ювелира? Я тут по случаю одну штучку раздобыл. – Сергей выдернул из поясной сумы медальон ночного вора и стал раскачивать его перед глазами майордома, точно гипнотизируя. Тот непроизвольно напрягся. Глаза его метнулись влево, вправо, затем сосредоточились на поблескивающем камне.

«Так я и думал, – прокомментировал Лис, – предмет, несомненно, знакомый».

– Я представлю вам придворного ювелира, – выдавил Пипин. – А сейчас прошу не мешать.

Взгляд Дагоберта был долгим и пристальным. Не прошло и получаса, как мать, чуть не рыдая, заклинала его заключить папского легата под стражу и допросить, требуя выдать сообщников. Она убеждала, что наилучший выход – обнажить меч против Рима, вступить в союз с такими же, как он сам, созданиями драконьего рода – абарами. Ее слова звучали чрезвычайно убедительно, но Дагоберт не придавал им особого значения. Да и вообще, мало чьи слова трогали его холодный, очень быстрый разум. Пожалуй, лишь отец, могучий крылатый дракон, говорил с ним на одном языке и понимал с полуслова.

Коротко и сухо приветствовав раздетого кардинала, молодой монарх сел. Вернее, если быть точными, водрузил себя на трон. В эту минуту легат вдруг понял, что придется иметь дело не с мальчишкой, волею судеб заброшенным на отцовский престол, а с настоящим властителем, которого жизни не поучишь и своей воле не подчинишь.

– Его святейшество Папа Стефан II... – начал прелат.

– Прежде всего, я жду объяснений по поводу сегодняшней ночи! – перебил его Дагоберт.

– Ни я, и никто из моих людей не виновны в происшедшем! – возмутился посланец святейшего престола. – Мне нечего объяснять.

– Это не так. Вы передавали моей дорогой матушке вот эту книгу?

Он хлопнул в ладоши. Слуга, ждавший за дверью, внес увесистый фолиант, сверкающий золотом и самоцветными камнями.

– Я велел своему личному секретарю подобрать достойный подарок, – уклончиво ответил ффра Гвидо.

Кесарь смерил его долгим недобрым взглядом.

– Человек, принесший от вас этот дар, ночью убил троих стражников и совершил деяния, заставляющие обвинить его в злокозненном чародействе. Бойтесь данайцев, дары приносящих. Возможно, лишь храбрость моих людей предотвратила злодеяние еще худшее. Вы утверждаете, монсеньор, что вор и душегуб, прокравшийся во дворец, не ваш человек?

– Я не знаю его! – скороговоркой выпалил легат. – И он конечно же не входит в число моих приближенных и слуг.

– Это всего лишь словесная игра, – поморщился Дагоберт. – Этот человек был опознан как один из тех, кто сопровождал вашу свиту. Если вы прибыли в Париж, чтобы добиться совместных действий против общего врага, я вправе рассчитывать, что мне не нанесут удара в спину. И, согласитесь, бессмысленно говорить о победе над далеким врагом, покуда не побеждены враги ближние.

Кардинал Бассотури глядел на юное лицо монарха. Ему отчего-то вовсе не мягко сиделось в удобном курульном кресле, словно пух, которым была набита подушка, лежавшая под его седалищем, обратился в острые колючки.

– Я... Я готов поклясться на Библии, что не причастен к этому коварному злодеянию, и, уж конечно, святейший Папа Стефан Второй...

– Что вы намерены делать? – вновь перебил его юный монарх.

Легат глубоко вздохнул, силясь восстановить недавнее величавое спокойствие.

– Я лично допрошу секретаря, – промямлил фра Гвидо, теряясь в догадках, что еще ему надлежит предпринять. Он чувствовал, как возложенная на него высокая миссия рушится в бездну, вероятно хороня последние надежды Рима на помощь огромного, свирепого в бою франкского войска. Если помощь отсюда не придет, отбивать врага попросту будет некому. Он представил свое возвращение не солоно хлебавши в резиденцию его святейшества, представил, как оправдывается, признаваясь в причинах своего фиаско. Не то что волосы, даже корни волос на выбритой тонзуре зашевелились от недоброго предчувствия.

– Я сделаю все, что вы посчитаете нужным, дабы доказать непричастность мою и Рима к сегодняшнему ужасному преступлению.

– Хорошо, – кивнул Дагоберт. – Я передам вам свое решение. О чем вы собирались говорить со мной?

У кардинала отлегло от сердца.

– Ужасный враг движется с востока! – патетически воскликнул он. – И воинственные готы, и беспощадные гунны пред ним – все равно что шаловливые отроки.

Он замялся, глядя исподтишка, не задел ли последними словами юного монарха. Но тот и не думал принимать замечание на свой счет.

– Они идут, сея вокруг смерть, как иные – рожь и пшеницу. Сама бездна Тартара исторгла их на погибель христианского мира...

– Все это – лишь слова, – неприязненно скривился Дагоберт, рассматривая мозаичное панно за спиной прелата. – Вы хотите, чтобы я поднял свое знамя против абаров. Так ведь?

– Так, – подтвердил кардинал.

– Потому что моя армия велика и бароны воинственны или же тому есть и иные причины?

Фра Гвидо замялся. Конечно, еще в Риме он был полностью оповещен насчет происхождения королевского рода франков. И не просто оповещен, но и снабжен весьма широкими полномочиями на тот случай, если сопливый мальчишка окажется непригоден для трона. Но, как это обычно бывает, предположения имеют мало общего с реальностью.

– Я не уполномочен обсуждать это. Я лишь исполняю волю... Мне бы хотелось, чтобы вы сами выслушали одного из немногих, кому удалось спастись от мечей абаров.

– Хорошо, – кивнул Дагоберт.

Кардинал развел ладони, чтобы хлопком вызвать очевидца кровавой бойни.

– Но прежде, – не сводя с легата давящего взгляда, продолжил Дагоберт, – я хочу получить гарантию, которая обезопасит меня и весь мой род от будущих посягательств разной злоязыкой мрази.

– Какую же? – воспрял фра Гвидо.

– Мой отец должен быть причислен к лику святых.

Глава 6

*Даже на Страшном суде я заявлю
отвод судье, обвинив его в соучастии.
Адвокат Пьер Патлен*

Кони шли неспешной рысью. Брунгильда не была хорошей наездницей – можно ли освоить искусство верховой езды, лежа в тесном склепе в пещере хаммари? Однако происхождение обязывало, и сестра майордома с упорством, свойственным ее роду, училась держаться в седле.

Девушка с некоторым удивлением приняла неожиданное приглашение сэра Жанта на конную прогулку. Если откровенно – она испытывала к герцогу какой-то особый, смущающий ее интерес. Это пугало ее. Могучий нурсиец был женихом лучшей подруги, такой прелестной, такой грациозной и в то же время мудрой, словно царь Соломон. Грехом было заглядываться на этого красавца. И хотя она слабо понимала, что такое грех, – духовник тщетно пытался растолковать ей смысл библейских сказаний, – она откуда-то знала, что это нехорошо. Но не нашла в себе сил отказать, когда сэр Жант запросто пришел к ней и пригласил на конную прогулку.

Поросшие лесом берега Сены манили под сень вековых деревьев, обещая укрытие от полуденного жара. Но Брунгильде, казалось, зной вовсе не мешал. Она вообще любила тепло – до сих пор не могла окончательно согреться. В эти минуты она не слышала ни пения птиц, ни плеска воды, лишь тихий стук отчаянно колотившегося сердца.

Престолонаследник Нурсии по большей части молчал, точно стесняясь завести разговор, и это раззадоривало Брунгильду. Ей ужасно хотелось слышать его голос. А уж если ей чего-то хотелось...

Сестра майордома чувствовала: пожелай она действительно чего-то всей душой – никто и ничто не сможет остановить ее на пути к цели. Она казалась тихой, но не так ли тиха змея, пока ей не наступили на хвост...

– Ойген сказала, – наконец прервал затянувшееся молчание Карел, – что у вас нынче поутру голова болела. Так я подумал, может, свежий воздух, того... Что, может, лучше станет.

Брунгильда отвернулась. Сердце неприязненно кольнуло. Как раз сейчас ей меньше всего хотелось слышать имя лучшей подруги. Конечно, невесть отчего оробевший Жант просто из стеснения приплел Ойген, чтобы как-то оправдать свое необычное приглашение.

– Да, – кивнула сестра майордома, – действительно болела. Эта ночь, этот кошмар! Если бы не вы... – Она прикоснулась к руке Карела, и сердце вновь напомнило о себе неприятным гулким перестуком. Уж конечно, если сравнивать руки ее и Ойген... Как бы ей хотелось иметь такие нежные тонкие пальчики!

– Расскажите, – пересилив досаду, улыбнулась Брунгильда, – как было дело этой ночью? Как вам удалось победить?

– Да я что... – отмахнулся Карел. – Как злодей из сокровищницы выскочил – я за ним погнался. Да только он бегать горазд оказался. Так припустил, что не догнать было. Я, стало быть, обратно через двор. А там бароны спят вповалку. И стража у ворот тоже. Пока растолкал – чуть не упустил. А потом, откуда ни возмись, – химера посреди улицы, бабах! – При упоминании чудовища нурсиец вошел в раж, и речь его обрела вдохновенную беглость. – Вот это, я скажу, да! Страшилище, не приведи Господь! Пасти щерятся, змеи шипят, яд брызгами, клыки в пене, когти – ого-го, как ножи! Ну, думаю, конец мне пришел!

Брунгильда чуть заметно побледнела. То ли от страха, то ли от того, что чудовище живо напомнило о жутких образах ее сновидений. Но Карелу было не до ее страхов, он вещал, заливаясь соловьем.

– Я сперва было оробел, но с ходу сообразил: буду стоять – эта тварь сожрет в единый миг и не подавится. Думаю – так нет же! – и мечом ее по башке, с размаху, хрясь! Попал ей по гриве – не меньше десятка змей отрубил. А те – как так и надо, ползут ко мне по земле, шипят, зубы оскалены... Слава богу, Рейнар подоспел, медальон из пасти этой твари выбил. Та враз и окаменела.

– Какой медальон? – насторожилась Брунгильда.

– Да такой, с прозрачным желтым камнем, – пустился в объяснения ее спутник. – Тот самый, что Дагоберт у пещеры среди камней подобрал, когда мы тебя освобождали.

– Вот как! – тихо проговорила сестра майордома, чувствуя, как прикасается к коже медальон, покоящийся в ложбинке на ее пышной груди. Она не помнила, откуда, но точно знала, что это – подарок родителей. И, пожалуй, не было для нее в мире ничего дороже этой вещицы. – С желтым прозрачным камнем? – медленно проговорила она.

– Ну да, – закивал сэр Жант. – И такой необычный. Смотришь в него, как в глубину какую-то. А оттуда свет так и струится. И, что самое занятное, у злодея, который пытался сокровищницу ограбить, точно такой же амулет был. Только размером поменьше.

Брунгильда смотрела на героя своих девичьих грез, не зная, что и сказать. Само по себе это могло быть простой игрой случая. Мало ли всяких самоцветов есть у разных людей. Но все же совпадение настораживало. Брунгильде захотелось показать свой заветный талисман герцогу. Но кто знает, как он отнесется к такому открытию, вдруг в чем заподозрит? Она молча отвернулась, усиленно рассматривая тропинку на берегу. Заметив такую холодность, Карел же Страже осекся, поняв, что сболтнул лишнее. И, что самое противное, – ни на шаг не продвинулся к поставленной инструктором цели. «Надо еще что-то сказать. Как-то ее успокоить, обнадежить. Что, мол, не дам в обиду, буду защищать и впредь...»

В этот миг он вдруг услышал чуть впереди шорох, увидел, как тихо, почти незаметно отклоняется ветка одного из недалних кустов и, отразив нечаянный солнечный луч, выблискивает непомерно длинный наконечник стрелы. Карел скорее почувствовал, чем услышал щелчок спускаемой тетивы.

– Берегись! – Он схватил девушку за плечи, одним махом вырывая ее из седла и закрывая собственным телом.

Фра Гвидо ошеломленно свел руки в хлопке, невольно хватая воздух ртом, точно последние минуты провел глубоко под водой и лишь сейчас вынырнул на поверхность. Один из приближенных его высокопреосвященства, нетерпеливо дожидавшийся этого сигнала у закрытой двери, взял за локоть смуглолицего худощавого мужчину, судя по одежде – простолюдина, и потащил его к входной двери в залу.

– Куда?! – Лис очутился перед ними еще до того, как стража открыла рты.

– Извольте пропустить нас, – приосанился вельможа. – Все условия нынешней встречи оговорены еще вчера.

– Дорогуша, – лицо командира баронского ополчения расплылось в ухмылке, не предвещающей ничего хорошего. – Так шо ж вы вчера не встречались-то? Если вдруг не слышал, сообщая: за ночь тут столько всего напроисходило, шо все ваши договоренности торжественным маршем пошли аккуратно под хвост химере. Ты вот, собственно, кто?

– Я секретарь его высокопреосвященства, фра...

– В общем, слушай здесь, фра. Обойдется сейчас преосвященство без секретаря. Как говорится, какие секреты между своими? А это шо за знатный хлебоборб?

– Он из Монтенегро, края, совсем недавно захваченного абарами.

– Ага. Стало быть, свидетель по делу, – теряя интерес к секретарю, хмыкнул Сергей.

– Я требую пропустить меня! – не унимался тот.

– Уважаемый! Требовать будете жалобную книгу в папской библиотеке. Умерьте прыть! Вы шо, хотите сорвать переговоры? Я сам проведу свидетеля. Так, а ну-ка, пейзанин⁶, быстренько, – скомандовал Лис, к удивлению балканца с ходу легко переходя на сербский язык. – Ноги на ширине плеч. Руки в стороны, ладонями назад!

Подобно большинству уроженцев Монтенегро, тот сносно владел итальянским наречием, но уж никак не ожидал услышать знакомую с детства речь так далеко от дома. Он безмолвно повиновался. Лис для проформы хлопал его, не спрятано ли оружие.

– Ты, фра, не зыркай, – пояснил он кардинальскому помощнику. – Сам, небось, знаешь, что тут ночью творилось. Так шо не обессудь, двоих, да еще без надзора, пропустить не могу. Пока я отвечаю за безопасность государя – не проси, не умоляй. Отдохни вон пока, мозаикой полюбуйся, воздухом подыши. Я этого красавца потом тебе с рук на руки передам. Ну-ка, расступись. – Лис повернулся к страже и нахмурил брови. Те на мгновение замерли, соображая, как поступить. Они имели четкий недвусмысленный приказ не пропускать в зал переговоров никого чужого, но разве не стали они сейчас свидетелями картины столь убедительной, что и спорить было не о чем? Конечно, герой сегодняшней ночи знал, что делает. И, судя по всему, был вправе поступать так, как поступал. Кто командует, тому видней. Они грохнули древками копий об пол и развернулись, образуя коридор меж двух шеренг.

– Вперед! – Лис подтолкнул смуглолицего к двери. – И запомни: первое же резкое движение – и ты пожалеешь, что пережил нашествие абаров.

Кардинал Бассотури махал руками, точно отгонял невидимых мух, однако это не помогло найти слова: ни единой связной фразы не сошло с его языка.

– Но, это... Ведь это... Но как же? Это же...

Кажется, он даже не заметил, как позади него открылась дверь и Лис мягко втолкнул беженца.

– Я не верю своим ушам, – к кардиналу, наконец, вернулась связная речь. – Я, конечно, могу понять ваше горе. Должно быть, оно повредило разум...

– Мой разум ясен и вполне здрав. И если вы теперь намерены напомнить о моих юных годах – не утруждайте себя. Вы услышали и прекрасно поняли, чего я требую. Я не стану больше терпеть среди моих приближенных тех, кто спит и видит лишить меня жизни, как до того лишили жизни моего отца. Мне известно, кто и что писал в Рим по поводу моего происхождения.

Отчего-то в последние годы там забыли, что именно один из моих предков был первым монархом, принявшим христианство и приведшим франкские земли в лоно Церкви. Если бы не мы, кто знает, где были бы римские епископы и были бы они вообще или нет. Мне горестно сознавать, что ваша память столь коротка. И потому в знак полного доверия Рима ко мне и, надеюсь, к моему потомству, Дагоберт Второй, убитый подло и коварно, станет почитаемым Святым Дагобертом, а его враги и злоумышлявшие против него и против меня, станут врагами Церкви так же, как моими. Полагаю, я вполне разъяснил вам суть моих слов?

– Но как же? Я... Это не в моей власти... И... Это долгое и непростое дело! – нашелся фра Гвидо.

– Быть может, – чуть заметно дернул плечом Дагоберт, вдавливая тяжелым взглядом собеседника в подушку кресла. – Но вам следует поторопиться. Ибо, как мне доложили, абары у порога Италии. Все, хватит об этом. Теперь я желаю выслушать этого бедного малого.

Стрела ударила Карела аккурат между лопаток и, не будь на нем «заколдованной» институтскими мастерами рубахи, пронзила бы его насквозь. Но волшебная ткань не подвела. Впро-

⁶ Пейзане (итал.) – крестьяне.

чем, сомнений в этом и быть не могло. По устоявшейся привычке такие рубахи именовались кевларами, хотя последние годы для изготовления их применялась синтетическая паутина, как известно, в шесть раз более прочная, чем сталь той же толщины. Девять миллиметров добротной стали не всякая пуля одолела бы – куда уж там стреле. Но все же рубаха – не монолитная пластина, и удар получился изрядный. Не удержавшись в седле, Карел вместе с Брунгильдой рухнули в траву, и благо, что на мягкую подушку опавших прошлогодних листьев.

Сердце девушки трепетало от страха и неожиданной близости. Она даже удара толком не почувствовала. Ее принц, ее герой вновь рисковал жизнью, чтобы ее спасти! Лицо нурсийца, такое мужественное, такое прекрасное, было совсем рядом. Она закрыла глаза и, не в силах вымолвить ни слова, крепко прижала молодого человека к груди и коснулась губами его губ. Карел же чуть не взвыл от боли. В момент удара стрелы он успел немного повернуться, но кинетическую энергию столкновения не в силах отменить ни высокие технологии, ни заклятия. Ребро, по всей видимости, было повреждено. На глазах принца выступили слезы.

– Не его... – послышалось за спиной. – Ее надо было!

– Так кто ж знал, что он так дернется? – растерянно отвечал первому голосу второй.

– Тише, тише, – с трудом отстраняясь, прошептал Карел.

– Сейчас она, поди, без сознания. Иди, добей, пока не очухалась. На вот кинжал.

– Сейчас, в лучшем виде, – заверил стрелок.

– Тихо... Не двигайся... – прошептал богемец, но Брунгильда и не собиралась никуда двигаться. Ей безумно нравилось лежать вот так в траве, чувствуя тяжесть могучего тела желанного спасителя.

Карел прикрыл глаза и сквозь ресницы начал высматривать приближающегося убийцу. Тот шел безо всякой опаски, держа в руке оружие.

– Стрелу выгащи! – бросил ему вслед второй. – Не хватало еще...

– А то я не знаю! – огрызнулся стрелок, поворачиваясь к кустам. – Сейчас только эту тушу уберу.

Неудавшийся убийца схватил древко стрелы, пробившей бархатный плащ и застрявшей в одежде богемца. В тот же миг бывший сержант президентской гвардии подцепил голень опорной ноги противника своей ногой, а другой, разворачиваясь, ударил ему в коленный изгиб. Разбойник с воплем рухнул лицом в траву. Еще мгновение – и Карел вскочил, готовый отразить новую атаку. Та последовала незамедлительно. Приятель стрелка выскочил из-за куста, размахивая боевым топором. Знакомое потомку богемских рыцарей чувство опьянения схваткой вмиг овладело им. Словно танцуя, он легко увернулся от удара. Меч будто сам собой оказался в его руке. Еще мгновение – и разрубленное тело врага рухнуло наземь. Карел резко повернулся к стрелку, но тот уже мчал со всех ног по лесу, вовсе не желая связываться один на один с ожившим мертвецом.

– Ты ранен?! – донесся из-под дерева встревоженный голос Брунгильды. – Не двигайся, ты же теряешь силы. Позволь, я перевяжу тебя.

Карел почувствовал, как уходит кураж и вновь просыпается отступившая было резкая боль.

– Ерунда! – сквозь крепко стиснутые зубы процедил он, нащупывая за спиной древко стрелы и резко выдергивая его. Девушка ойкнула, от ужаса прикрывая рот ладонью. Престононаследник Нурсии хотел было объяснить, что, слава всевышнему, наконечник не вонзился в тело, но замер, удивленно рассматривая оружие убийства.

– Послушай, – он повернулся к Брунгильде. – Это же вовсе не наконечник. Это клинок, закрепленный на древке. Он же летит, как... – Карел осекся, чтобы не оскорблять слух высококородной дамы низкопробными эпитетами. – Оттого, видать, и стреляли в упор.

В этот миг Брунгильда наклонилась, поднимая с земли обрonnenное стрелком оружие.

– Смотри, клинок – точь-в-точь наконечник этой стрелы...

Смуглолицый простолюдин в чистой, хотя и поношенной холщовой рубаше остановился, как вкопанный, не зная, то ли бухнуться на колени перед юным монархом, то ли все же поклониться в пояс. Выбрал поклон, да так и застыл.

– Ты пришел говорить? Я жду, – не спуская заинтересованного взгляда со свидетеля, промолвил

Дагоберт.

– Если позволите, я мог бы переводить, – не давая кардиналу и рта открыть, вмешался Лис. – А то у него с франкским наречием проблемы. Ау, дружания, ты шо сюда, кланяться пришел? – окликнул смуглолицего Лис. – Рассказывай, как дело было.

Крестьянин выпрямился, не смея, однако, поднять глаз на властителя франков, и заговорил:

– Я родом из маленького селения, оно было в горах, я там пас овец, – он рассказывал сбивчивой рваной скороговоркой, пытаясь унять волнение. – Когда пришли они, я был на пастбище. Увидел с горы, как идут. Много, очень много. Все на конях. Наш болярин держал свою дружину наготове, и многие из селения пошли с ним. Они-то к нам не сразу-то примчались. Сперва через всю страну шли. Мы-то, почитай, у моря. К нам-то прежде еще всякие бежали. Ну, как всякие – те, кто выжил. А таких-то, почитай, всего ничего. Эти-то в черных плащах, абары, значит. Всех убивают, кого увидят. А кого не убивают, то в плен берут и к себе уводят. И с нами так случилось. Болярин наш храбрый был и ловкий. Напал с горы, точно снежная лавина сошла. Да только все ни к чему. Абары, будто каменная стена, на его пути встали. Что дальше было – и битвой-то не назвать. Наши мечи против абарских – точно масло против ножа. И кольчуги для них были, как моя рубаша.

В глазах Лиса вспыхнул неподдельный интерес. Он перевел отзвучавшую фразу, делая для себя пометку. Что и говорить, появление здесь, в Париже, абарского кинжала было неприятным сюрпризом. Однако иначе объяснить необычные убийства, похоже, не представлялось возможным.

– Все наши полегли, – со вздохом продолжил свидетель ужасающей бойни. – Все, как один. После схватки абары спешили и пошли себе по полю боя. Как увидят кого из наших, живой, мертвый – все едино. Меч ему в живот втыкают, проворачивают и так кричат – страшно-страшно, аж мороз по коже. Все кусты, все расщелины обшарили. Кто чуть жив укрылся – и тех-то добились. А потом в селение пошли. Стариков, детей – всех резали. Только молодых девок да парней в полон взяли.

– А ты, стало быть, спасся? – выслушав перевод, спросил Дагоберт.

– Да если бы... – не поднимая глаз, с печальным вздохом ответил бедолага. – Как село вырезали да запалили, абары по округе пошли. Не иначе, стадо искали. Оно-то их войску на один зуб пришлось. Я спрятаться пробовал – да куда там, у них точно нюх какой-то. И меня схватили, и все стадо, – несчастный передернулся, живо вспоминая страшный день, – да что стадо – псов и тех сожрали. Даже и не жарили: просто рвали кусками и жрали, точно волки злые. Я лежал себе, ни жив ни мертв, руки за спиной связаны, и все молился, как бы меня самого эти душегубы на прокорм не пустили. Да Бог миловал. К прочим моим односельчанам, тем, что в полон взяли, притащили, а затем повели вглубь страны. Там уже таких, как мы, много собралось. С нами отрядили сотню абаров, и те повели нас куда-то в свои земли.

– Для чего?

– Мне то не ведомо. Про храм что-то говорили. Может, в жертву. И то сказать, пока вели, кормили неплохо и особо не изнуряли. Может потому, что среди абаров тоже многие ранены были. Но я так приметил, что раны у них заживали – не чета нашим, у кого за день, у кого за три. Казалось, вот только-только в плече дыра была, а тут глядишь – едва шрам остался.

– Как же ты спасся? – заинтересованно спросил правитель франков.

– Да, почитай, чудом, – грустно вздохнул пастух. – Мы уже далеко в их земли зашли, когда на тот отряд, что нас вел, какое-то войско напало. Тоже дикие, не приведи Господь. Одежда из волчьих шкур. Неврами прозывались. За полночь набросились. Ни дать, ни взять – стая. Однако абары быстро опомнились, многих убили. И, стало быть, из наших тоже немало. Я под кучу трупов забрался, так до утра и пролежал. А уж перед рассветом абары тех из полона, кто выжил, дальше погнали. Быстро пошли, должно быть, опасались, как бы снова не напали. Только клинки и доспехи пособирали, а остальное все – на корм воронью. А как из виду скрылись, я из-под кучи выполз да и побрел себе. Так до итальянских земель и дошел...

– Господин инструктор, – раздался на канале связи голос Карела, – *у нас тут покушение.*

– *Судя по голосу, неудачное. Так шо там стряслось? На кого покушались? На тебя? Или на невинность Брунгильды?*

– *Не, – отозвался Карел. – Не на меня, на Брунгильду. Все бы вам насмехаться. Я-то ее спас, но вот стрела тут какая-то очень странная.*

– *Неужели же стрела Амура?*

– *Этот мальй, видать, в нее не промахнулся, – с печальным вздохом хмыкнул Карел. – Но здешние стрелки просто пытались ее убить.*

Глава 7

*Луна – это сосна, проходящая по документам, как дуб.
Папа Карло*

Весть о покушении на сестру майордома и о ранении гостя и соратника молодого кесаря – нурсийского принца Жанта – облетела весь Париж быстрее сороки, не отыскавшей с утра ни единой серебряной ложечки. Радуюсь новой теме для пересудов, толпа превратила раскинувшуюся на берегу ярмарку в огромное толковище.

Самые знающие твердили, что близок день Страшного суда, что абары, идущие на италийские земли, – вовсе и не люди, а демоны, исторгнутые адской бездной на погибель рода человеческого. Что противостоять им – занятие бессмысленное. Уж лучше провести оставшиеся месяцы, а может, и дни в молитве и покаянии. Другие словохоты, не отрицая адской природы недавних событий, твердили, что хоть взбесившаяся химера и ожила на страх людям, могучий герцог Нурсии одолел ее в честном бою, и, стало быть, тартарейскую нечисть можно и нужно истреблять во славу Божью, ибо это лишь испытание, посланное христианскому люду. А уж подлый выстрел в герцога и вовсе говорит о том, что враги прокрались в Париж, и след огнем и железом выкорчевать проросшую скверну до того, как она разрастется и захватит столицу.

Кто-то говорил, будто в убитом сэром Жантом злодее опознали некоего разбойника с большой дороги. Но так это, нет ли – судить никто не брался. А в это время завершивший труды переводчика Лис стоял над постелью раненого, суммируя свои медицинские наблюдения.

– Ну, шо, больной! С этого дня ты можешь смело именоваться Железным Головосоком. Я б даже сказал, не Железным, а Броненосным. Или Бруняносным, если тебе так больше нравится. В общем, ребра целы, гематома, правда, изрядная и ссадина вполне пристойная, боевая, самое то, шоб девчат охмурять. Однако жить будешь, остается выбрать, с кем. Никакой опасности рана не представляет. Но все же, с боевым крещением!

– Больно, – со вздохом пожаловался Карел.

– А ты шо думал? Здесь все как в сказке: чем дальше – тем страшней. Это еще хорошо отделался. Вон, скажем, Камдил – у того за шрамами тела не видно. Ладно, поскольку ты жив и на похоронах твоих пирожками разжиться не судьба, начинаем зарабатывать на хлеб насущный и усиленно работать мозгами. Как дурят нас британские ученые, это в целом благотворно влияет на организм.

Лис активизировал связь.

– *Всех сотрудников резидентуры прошу на регистрацию. Ближайшие полчаса у нас пятиминутка.*

– А что такое пятиминутка? – осведомился Бастиан.

– *Это ближайшие полчаса, – отозвался Сергей. – По мере обнаружения в голове мыслей, а уж тем более идей, прошу незамедлительно подавать признаки разумной жизни. Итак, как показала нам, уж не буду уточнять что именно, практика, имеющаяся программа наших увеселений в этом даже не чреве, скорее заднице, Парижа изобилует неожиданными поворотами и отборными хохмами. Лично я все большие желаю встретиться с неведомым массовиком-затейником и от души позжать ему горло. Надеюсь, наш малый, но удалый трудовой коллектив полностью разделяет мое нескромное желание.*

– *Лично я разделяю, – хмуро отозвался Карел.*

– *Действительно, странно все, – начал Бастиан. – Уверен, в хрониках Парижа никогда не было ничего подобного...*

– *То ли еще будет!* – пообещал инструктор тоном провинциального конферансье. – *Но пока, как говорят татары, в степь-бай-в степь. У нас на повестке дня новые загадки и одна небольшая отгадка. Но такая гадкая, шо не приведи Господь.*

– *О чем ты, Сергей?* – поинтересовалась Евгения.

– *О ножике, которым сегодня ночью зарезали двух стражников. Судя по рассказу свидетеля, именно так действуют абарские клинки. Так шо, мальчики-девочки...*

– *Девочка,* – поправила Женя.

– *Ты одна, но стоишь целого пед-медучилища.*

– *Вот еще,* – оскорбилась дипломированный психолог.

– *А ты не мешай течению моей стремительной мысли в тот момент, когда она сворачивает горы с верного пути. Может, именно в это время они шли к Магомету. Кстати, к вопросу о басурманах.*

Судя по тому, что абарский клинок всплыл

в нашем деле шо тот якорь, дела плохи. Эта первобытная орда не так далеко, как нам представлялось. Она уже здесь, и активно действует. Вон наш герой-любовник чуть было не отправился в Елисейские Поля⁷ задолго до их появления

в Париже.

– *Но, господин инструктор,* – застонал Карел, – *я же выполнял задание.*

– *Ладно, не тушуйся! В нашей работе не всегда поймешь, где кончается задание и начинается камасутра. Особенно это касается отношений с институтским начальством. Хотя главу про церебральный секс в уставе обычно опускают. Но оставим амурную тему, меня сейчас другое интересует и, как лучника, просто оскорбляет: шо это за манера стрелять кинжалами? Баллистика*

у такой стрелы – чуть лучшие, чем у валенка.

– *Это да,* – подтвердил Карел. – *Я тоже об этом подумал. А еще, обрати внимание, у второго кинжала такое же лезвие было.*

– *Не позорься: лезвие – это режущая часть,*

а то, что ты имел в виду, – это клинок.

– *Ну да,* – согласился богемец. – *Я это и имел*

в виду. Они были совершенно одинаковые.

– *Позвольте мне сказать,* – с обычной учтивостью обозначил себя Бастиан. – *Должно быть, стрелявший очень хотел, чтобы рана оставляла впечатление удара кинжалом.*

– *Разумно, вундеркинд,* – подтвердил Лис, – *это я тоже дотумкал. А зачем?*

– *У меня есть предположение. Но не могу утверждать с полной уверенностью...*

– *Валет! Здеиные ученые мужи с полной уверенностью утверждают, что Земля плоская. А некоторые даже говорят, что видели, как хобот слона тянется из-под ее края в поисках морковки. Формулируй версию, не тяни.*

– *Может, все совсем по-другому,* – извиняющимся голосом начал Бастиан. – *Но я, как менестрель, представил себе картину этой засады так, как она бы звучала в балладе. Если бы Карел не успел среагировать, убийца бы сразил Брунгильду. Ее кавалер...*

– *Вот еще!* – возмутился раненый.

– *Прости, Карел, это же для баллады. Так вот, кавалер тут же бросается даме на помощь и при этом непременно поворачивается спиной к врагу. Тут они выскакивают, оглушают его ударом по затылку, связывают, а из раны вытаскивают стрелу и вставляют кинжал. Потом заявляют во всеуслышание, что коварный нурсиец пытался изнасиловать сестру майордома, та подняла крик, он ее заколол, а они подоспели и одолели негодяя.*

⁷ Елисейские поля, или поля Элизiums – аналог райских кущей.

– *Что за бред?! – нахмурился богемец. – Даже если бы девушку ранили, я бы ее подхватил и дал шпоры коню так, что лови ветра в поле.*

– *Карел, не суетись!* – оборвал его Сергей. – *Не надо пересказывать методику охраны ВИП-персон, следующих в автомобильном кортеже. Откуда было разбойникам знать, где ты служил?*

– *Меня вот что волнует,* – вставила Женя. – *Откуда им вообще стало известно, что Брунгильда и герцог Жант отправятся на прогулку? Кроме нас, об этом никто не знал.*

– *Исключая конюхов, служанок, одевавших Брунгильду, охраны у ворот и толпы встречаемых-поперечных, которые что-то видели, о чем-то догадались. Но поиск ведешь в правильном направлении. Важно не то, что кто-то узнал, а то, что он в кратчайшее время сумел организовать засаду. Если принять версию Бастиана – хитрую засаду, а это подразумевает хорошо поставленные наблюдение и связь. Очень может быть, сама по себе группа нападения – домашняя заготовка. У меня неслабое ощущение, что здесь орудует целая команда.*

И в данном случае – целенаправленно против нас.

– *А не в данном?* – поинтересовалась Женя.

– *А не в данном я склонен связывать ночные происшествия с приключениями нашего дорогого герцога. Тем более, что и Брунгильда носит такой же медальон, а его снять с трупа, да еще в растерзанном платье, было бы легче легкого. И снова шебуришит некто, выпадающий из нашего поля зрения.*

Пипин был в ярости. Казалось, судьба, чьи дары еще совсем недавно превосходили самые смелые желания, сменила милость на гнев, как меняет русло многоводная река, столкнувшись с непреодолимыми гранитными скалами.

Когда же это началось? Он вспомнил, как в первый раз увидел бог весть откуда взявшихся нурсийцев во дворе своей лесной крепости. Брунгильда, не эта свалившаяся на его голову сестрица, а та, прежняя, ужасная, как божья кара, сразу велела уничтожить незваных гостей.

И правда, их всех следовало убить! Казнить, не разбирая вины. В тот же день! В тот же час! Ан нет. Политические выгоды, любопытство, да и, что греха таить, необычайная красота благородной дамы Ойген помешали расправе. Теперь-то он вполне осознал, какой это было роковой ошибкой. Кто б тогда надоумил его?!

Майордому вспомнилась их с Ойген конная прогулка. Тогда она почти обвела его вокруг пальца. Он бы поверил ей целиком и полностью, если бы кому-нибудь и когда-нибудь вообще верил.

Сейчас, при одном воспоминании о кознях этой красотки, его душили гнев и ненависть, ценой жесткого самоконтроля скрываемые под маской любезности. Больше всего в жизни он хотел бы видеть эту гордячку на коленях, униженной, втопанной в грязь. Но ссориться с ней пока было опасно и – Пипин скривился: опять эта государственная необходимость – крайне невыгодно. Если за ней, вернее, за ее дядей стояло войско невидимых драконов, как утверждал честнейший Фрейднур, то в дни грозящего нашествия приходится подобных союзников принимать во внимание.

Пипин шел по городу в сопровождении десятка комисов. Возглавлял свиту барон Фрейднур. Кардинал Бассотури пожелал встретиться с майордомом, едва вернулся к себе после аудиенции у кесаря. Фра Гвидо был несказанно раздражен. «Если писать об этом в Рим... Если же соотносить с реалиями... – Парижская резиденция кардинала содрогалась от взрывов его ярости. – Что удумал этот щенок?! Что он о себе возомнил? Да как он смеет?»

Папский легат уже вознамерился было продиктовать гневное воззвание ко всем добрым христианам франкских земель, предать анафеме нерадивого сына матери-Церкви, но вспомнил его холодный давящий взгляд, и червячок сомнения в кардинальском сердце вырос до размеров боа-констриктора. «А ведь мальчишка подобного демарша терпеть не станет, не утрется, не

придет вымаливать прощение, смирившись и посыпав голову пеплом. Драконья порода! Чего доброго, кинет в застенки, а то и вовсе... Фра Гвидо опасался даже представить что, вероятнее всего, сделает с ним молодой Дагоберт. И войско пойдет за ним. Люди оружия всегда идут за такими...

Что же предпринять? Писать в Рим о немыслимом условии, которое имел наглость выдвинуть кесарь франков? Да об этом страшно даже подумать! Но армия здешних баронов, вторгшись со стороны Альп, может подоспеть к Риму еще быстрее, чем абары, движущиеся с Балкан... – об этом тоже не следовало забывать. – Этот не остановится, – крутилось в его голове. – И никого не станет слушать. Я жестоко ошибся, ожидая увидеть на троне мальчишку, чье воображение легко увлечь славой Рима, подавить устрашающими словами очевидца и купить обещанием высоких наград, возможно, не в этой, но в загробной жизни точно».

Юный правитель оказался вовсе не таков. И, что уж совсем досадно, он и не думал заблуждаться по поводу той роли, которую играла Церковь в заговоре против его отца.

Секретарь тихо, чтобы не нарушать размышлений его высокопреосвященства, подошел к столу. Кардинал поднял на него хмурый взгляд.

– Что-то важное?

– Ничего особенного, монсеньор. Прибыл мессир Пипин Геристальский.

Папский легат отбросил подальше очиненное перо, которое перед тем крутил в пальцах, кивнул:

– Пусть войдет.

«Быть может, Дагоберт изменил решение?» – мелькнула приятная, но совершенно безосновательная мысль.

С Пипином фра Гвидо вел дела уже много лет. И, будь его воля, рад был бы вести их и дальше. Как человек скрупулезный и последовательный, как человек, прекрасно осведомленный о богатствах этой земли и нравах людей, ее населяющих, Пипин был незаменим.

Войдя в зал кардинальской резиденции, посетитель плотно закрыл за собой дверь.

– Что вы намерены предпринять дальше? – прямо с порога жестко спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.